

Ольга Рожнёва

МЕРА ЖИЗНИ

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Ольга Леонидовна Рожнёва

Мера жизни. Как стать счастливым

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73485353

Мера жизни. Как стать счастливым. Рассказы и повесть:

Издательство ООО «Вольный Странник»; Москва; 2021

ISBN 978-5-00178-021-2

Аннотация

Новая книга известного автора, члена Союза писателей России Ольги Рожневой, дважды лауреата конкурса Издательского совета РПЦ «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее художественное произведение», включает в себя рассказы и повесть «Лальские тайны». Самобытные произведения Ольги Рожневой основаны на реальных событиях и повествуют о промыслительных встречах, тяжелейших испытаниях и нечаянной радости. Вошедшие в сборник истории полны драматизма, лиричности и светлого юмора, что придает им особое обаяние. Герои рассказов – самые разные люди, но их объединяет стремление в переплетении дней и событий разглядеть неусыпную заботу Творца. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Часть I. В чем счастье? (Рецепты наших современников)	7
Мера жизни	7
А вы читали Кьеркегора?	24
История, рассказанная под Рождество	40
В чем счастье?	56
Пропавший Пашка	75
Житейское море	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ольга Леонидовна Рожнёва
Мера жизни. Как
стать счастливым.
Рассказы и повесть

Ольга Рожнёва

МЕРА ЖИЗНИ

Как стать счастливым

Рассказы и повесть

© Рожнёва О. Л., 2021

© Оформление ООО «Вольный Странник», 2021

Часть I. В чем счастье? (Рецепты наших современников)

Мера жизни

Люди живы настолько, насколько в них живет Бог. Ибо только Бог – жизнь. Есть живые и неживые, что зависит от меры Бога в них, меры жизни, которую они несут в себе. Со страхом говорю тебе: есть неживые люди. Хотя неискушенным они кажутся такими же живыми! Они же существуют! Разве их нет? – спросишь ты. Да, но и когда угасает костер, дым еще долго витает над пепелищем.

Святитель Николай Сербский

Сергей: Мне исполнилось 42 года, когда я попал в страшную аварию. В больницу поступил в сознании. А потом все забыл: неделя до аварии и неделя после – стерлись начисто. Короткая память пропадает при такой травме. Мне потом рассказали, как после работы мы выпили и поехали в ночной клуб. Я тогда часто пил – любил это состояние легкого и не очень легкого опьянения, когда настроение приподнятое. Любил музыку, рестораны. Много курил. Мне регулярно приходилось вести переговоры с бизнес-партнерами, а после переговоров, известное дело, культурная программа: засто-

лье, сауна...

Так-то жили мы с женой хорошо. Зарабатывал я всегда прилично. Мы с ней увлекались дайвингом, на яхте путешествовали. Дочка росла, все для нее было самое лучшее. Я много ездил по нашей стране и по другим странам в командировки. Видел у нас в России много очень умных, образованных людей, которые жили совсем бедно. А мне как-то все само шло в руки. И поэтому если Лена упрекала меня, что часто пью, я обычно отвечал:

– Я вас кормлю – что вам еще нужно?!

За несколько лет до аварии ездил на юг в командировку. Меня хорошо встретили, мы изрядно выпили после переговоров. И вот ночью меня нашли пьяного у гостиницы с сильно разбитой головой и сломанной голенью. Сложный был перелом, нога висела на тканях. В возбуждении уголовного дела милиция отказала: было непонятно, что произошло. То ли меня машина сбила, то ли я с лестницы упал и приполз к гостинице. Страховая компания меня опрашивала, а что я мог сказать? Упал, очнулся, гипс? Это был серьезный знак, предупреждение такое. Но я этого знака совершенно не понял, не внял ему и продолжал вести прежний образ жизни.

И вот когда мы ехали после работы в ночной клуб, чтобы там продолжить и, так сказать, усугубить, моя машина влетела под фуру. У меня есть фотография, я вам покажу: глядя на разбитую машину, вообще удивительно, что ее водитель мог остаться в живых.

Мне рассказали врачи, как они меня проинформировали:

– У вас разбит череп, сильно пострадало лицо, почти оторван нос, вытекает жидкость. Также сломаны ребра и повреждены легкие.

И я ответил:

– Тогда убейте меня. Я не хочу быть обузой близким.

Лена: В Бога мы верили, как это принято говорить, в душе. Перед аварией как раз окрестили дочку. Пришли в церковь взбудораженные, веселые, а на душе у меня – как-то тревожно было. Что-то смущало, беспокоило. Священник благословил выучить молитвы – я выучила «Отче наш». До этого даже и не знала.

Перед аварией вечером разговаривала с Сережей по скайпу. Он был в другом городе в офисе по работе. Когда отключилась – думаю: что бы мне почитать вечером? И вот крутится у меня в голове имя Серафима Саровского. Это было совершенно непонятно и удивительно: человек я нецерковный и совершенно не знала, кто такой Серафим Саровский и как он выглядит.

Вышла в интернет и прочитала о нем. Это было – что-то! Его житие меня просто потрясло! Как гром среди ясного неба! Я заплакала – и решила ему помолиться. Это было совершенно удивительно, потому что никогда раньше желания помолиться у меня не возникало. Потом прочитала: когда Господь хочет кого-то спасти, внушает людям молиться за этого человека. Тут же в интернете нашла молитвы – и по-

молилась за мужа, дочь, нашу семью. Как узнала позднее – все совпало во времени: я молилась в первый раз в жизни за своего мужа, когда его машина летела под фуру и жизнь его висела на волоске.

После молитвы уснула. Утром звоню Сергею – а он трубку не берет. Внутри все оборвалось, время остановилось. Звоню его коллеге. Отвечает: он не пришел на работу. Был день рождения нашей дочери, вечером ждали гостей, ее подружек, родственников – а я готовить ничего не могу, все из рук падает. Мама Сережи спрашивает: «Что с тобой?» А я боюсь ей сказать, вдруг он просто где-то лишнее выпил. Отвечаю: «Все в порядке!»

Он не объявился и к вечеру – тогда мы с мамой стали его искать. Очень быстро узнали, что Сережа в реанимации, доставлен в тяжелом состоянии. Мы поехали в больницу.

Врач вначале усадила нас, только потом стала говорить: – До операции он сказал нам: «Мою жену зовут Лена». Значит, Лена – это вы? Вашему мужу сделали трепанацию черепа. Он в коме. Когда выводить будем – пока не знаем. После таких травм непонятно: узнает ли он вас? сохранит ли интеллект? сможет ли сам ходить и даже сам есть?

Компаньон по бизнесу немного навязчиво ходил везде за нами, присутствовал при всех разговорах с хирургом, пристально наблюдал... Переживал за бизнес, поскольку многое держалось именно на Сергее. Я за бизнес не переживала – думала только о его жизни. Я его очень люблю.

Меня послали за вещами Сережи. Все было пропитано его кровью. На обручальном кольце тоже кровь. Это было страшно. Наконец нас впустили в палату. Когда мы его увидели – у него была большая черная голова, разбухшая от отеков, – как воздушный шарик. Переломано основание черепа, раздроблены лицевые кости, почти оторван нос. Весь в про-

водах и трубках, леденящий душу звук аппарата искусственного дыхания... Но он теплый, у него поднималась грудь и билось сердце – мое любимое большое сердце!

Сергей: Три недели комы и две недели между жизнью и смертью. Мне давали сильнодействующие наркотики: человек не спит, но ничего не чувствует и не соображает. Постепенно дозу лекарств стали снижать – и я постепенно начал приходить в чувство и что-то понимать. Запомнилось, как ко мне пришел мой отец, а я сижу в кресле. И отец смотрит на меня испуганно и спрашивает у врача:

– Он теперь всегда такой будет?

А у меня мозги так медленно соображают: «Какой – “такой”?» И потом вижу себя как бы со стороны: бессмысленный отсутствующий взгляд, и слюни текут изо рта, стекают по подбородку. Из глаз слезы текут. Полный идиот. И тогда мне самому стало страшно. Я начал осознавать себя.

Особенно запомнилась ночь, когда я уже почти полностью все осознавал. Помню, как мне было плохо, как хотел пить – и не мог дотянуться до стакана воды на тумбочке. Оказывается, мышечная масса теряется очень быстро, и я сильно ослаб. А попросить воды не мог – не было голоса. Санитары – молодые парни, – видимо, не понимали, что я не могу дотянуться до воды. Пить жутко хотелось – я испытывал настоящие муки. Пытался поднять руку – и сил не хватало. Единственное, что мог, – пальцами шевелить. И я стянул с пальцев датчики для измерения пульса – тогда прибежали

санитары, снова укрепили датчики и пригрозили, что свяжут меня. А воды не дали.

Когда Лену пустили наконец, она сразу догадалась, что я хочу пить. Спросила:

– Почему вы не давали ему воды?!

Они ответили:

– Так вот же на тумбочке стакан с водой стоит!

Лена: Мне не разрешали находиться с ним в реанимации, но я уже знала, что нужно делать, – нужно молиться. Каждый день читала акафист преподобному Серафиму Саровскому. Три раза в день читала канон за болящего. Не могла есть и пить, не могла спать. Как будто, когда я не молюсь – ему хуже.

Как-то ночью лежала дома в постели, но спать не могла – душила боль, меня всю колотило. С закрытыми глазами начала повторять имя Господа нашего Иисуса Христа: «Господи Иисусе Христе, Господи Иисусе Христе...» И это была, как я сейчас понимаю, моя первая Иисусова молитва.

И вдруг – как вспышка перед глазами – Пресвятая Богородица с Младенцем Христом. Такая, как Она изображена на Владимирской иконе Божией Матери. И я перестала трястись – ощутила мгновенное утешение. Пришла уверенность, что все будет хорошо.

Потом я поняла, что мне нужно на исповедь. Никогда в жизни не исповедовалась. И даже не понимала – не видела своих грехов: а в чем же я грешна? Вроде бы и грехов-то

никаких нет! Тому, кто привык к исповеди, это может быть непонятно, но на самом деле нецерковному человеку, который никогда не прибегал к таинству Исповеди и при этом не совершал каких-то грубых грехов, бывает совершенно непонятно: в чем каяться?

Но, судя по канонам, которые я читала, – я точно была грешная. Если даже преподобный Серафим Саровский называл себя грешником – что было говорить обо мне?! И я стала молиться: «Господи, дай мне увидеть мои грехи!»

Св. преп. Серафимъ Саровск. Чюдот.

Преподобный Серафим Саровский

И через неделю я осознала эти грехи. Поняла так ясно, что грешна в том, и в этом, и в другом. Мало того, что осознала. Раньше я думала: за что мне такая трагедия?! А теперь пришло чувство: да я по своим грехам достойна и большей скорби!

Сергей начал выходить из комы в конце февраля. 12 марта его перевели из отделения интенсивной терапии в общее. К концу марта выписали и назначили курс реабилитации. В середине мая он снова начал работать.

Сергей: Окончательно осознал себя я только в марте. Были мысли: зачем я выжил?! Я не мог пройти пешком 200 метров! Сил не стало, а я всегда был крепким и сильным мужчиной. Бывшие друзья куда-то все пропали... На прежней работе я пока не мог работать – да я ходил с трудом! Когда на тебя деньги сыплются – у тебя много друзей. Куда они потом все делись – я не знаю... Ни одного не осталось!

Но к Богу я не пришел. Начал читать про познание самого себя, увлекся нейролингвистическим программированием – НЛП.

Лена сильно изменилась за два с половиной месяца. Мы всегда хорошо понимали друг друга. А тут я перестал ее понимать. Я-то как бы два месяца спал и проснулся таким же, каким был раньше. А она за это время прошла огромный, как я сейчас понимаю, путь.

Лена: Я действительно сильно изменилась за два месяца.

А он – нет. И он меня не понимал. Все рассказывал мне про НЛП. Я уже не могла жить без молитвы, начала соблюдать посты, а он говорил мне:

– Не закливайся на религии! На Бога надейся – а сам не плошай!

А у меня не было еще никакого понимания о православии, никаких убедительных аргументов. Только вера. И еще у меня были Пресвятая Богородица и преподобный Серафим Саровский.

Я стала иначе относиться к жизни – стала равнодушна к мирским развлечениям, к вещам. Дала себе обет: не покупать обновок и косметики. Я мечтала раньше отпуск на яхте провести – и вдруг все это потеряло для меня ценность, стало пустым времяпрепровождением. Кто испытывал действие призывающей благодати, которую Господь дает впервые приступающему к Нему человеку, тот меня поймет. А Сережа не понимал...

Я давала ему читать духовные книги, пыталась что-то рассказать, а он раздражался, и мы ссорились. И вот один раз мы поссорились, я сильно рассердилась – и вдруг ощутила, что стала такой, как раньше! Даже хуже, чем раньше! Благодать отступила от меня – и я снова почувствовала интерес к миру, и этот мир обрушился на меня всеми своими соблазнами! Прежние страсти всколыхнули душу.

И тогда я осознала, что это произошло промыслительно – для того, чтобы я поняла состояние Сережи, поняла, что

только благодать Божия даровала мне все. Это не я сама такой верующей и ревностной стала – это все действие благодати, дар Божий! И если благодать отступит от меня – я все потеряю!

И я перестала спорить с мужем. Больше не пыталась его обратить в веру. Стала только молиться за него: «Господи, дай ему веру!»

Так прошел год. Мы жили мирно, я утром и вечером молилась. И Сережа стал вставать рядом со мной. Но жаловался, что у него нет веры. Я продолжала молиться за мужа. Прошел еще год. Сергей полностью восстановился. Только шрамы по контуру лица, впрочем, малозаметные, напоминали о страшной аварии. Мы поехали в паломническую поездку.

Сергей: В нашей группе была монахиня, мать Нина. Она сказала мне:

– Синай – это гора пророка Моисея. Здесь Сам Господь говорил с пророком из куста Неопалимой Купины, здесь Моисей получил Заповеди... Вы неслучайно оказались в этом священном месте. Будешь подниматься на гору – вспомни все свои грехи. Иди и читай Иисусову молитву!

И вот мы поднимались ночью на гору – и я читал Иисусову молитву и старался вспомнить свои грехи. Ничего не вспоминалось, точнее, вспоминалось, но как-то вяло: да, есть грехи... у всех есть грехи... и у меня тоже есть грехи...

Было холодно, дул ветер, изредка снизу, из мрака, появ-

лялись бедуины-торговцы, быстро обгоняли нас и исчезали в темноте. Огромное звездное небо, холодные горы, острые зубцы скал, черные провалы, светлячки-фонарики в руках паломников, силуэты верблюдов. Отчего-то вспомнил Честертона. Этот благородный рыцарь-командор писал иногда необычные слова: «Здесь живет верблюд, наш странный друг, доисторический домашний зверь. Никто не знает, был ли он диким, и, глядя на него, нетрудно подумать, что звери вообще были когда-то ручными».

Понял, что отвлекся от молитвы, – и стал снова повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Вокруг царил какой-то космический, нездешний холод и неотмирная тишина, которую нарушало только шуршание ног о мелкие камни. Я шел и молился – и сначала мне казалось, что я занимаюсь каким-то совершенно бессмысленным и бесполезным делом. Зачем я вообще полез на эту гору?! Для чего повторяю эти странные слова, которые называют молитвой?!

Нас в детстве воспитывали атеистами. Я ходил в атеистический кружок. По заданию учителей рисовал атеистические плакаты. Я всегда был лидером – как-то само собой получалось, что люди ко мне тянулись. Занимался туризмом в школе – устраивал туристические слеты, ездил в пионерские лагеря. Был примерным комсомольцем, комсоргом, председателем совета дружины. Даже в «Орленок» ездил. Верил в коммунизм. А теперь я поднимался на гору Синай и читал

Иисусову молитву. Это было нелогично, непонятно... И я не знал, и зачем только я это делаю...

Синай

А потом что-то стало меняться. Я не понимал, как и почему, но что-то стало очень сильно меняться во мне. Со мной происходили странные вещи – отчего-то я чувствовал себя все больше и больше грешным... Внезапно у меня перехватило дыхание и потекли слезы. Я шел, плакал и думал: «Что доброго сделал я в жизни?! Вот умру – кто пожалеет?! Мать, жена и дочь. И все... Кому я нужен – такой грешный жук навозный?! Как я жил?! Как мог потратить лучшие годы своей

жизни так глупо, впустую, гоняясь за бесконечными развлечениями?! Драгоценное время, которое проводил пьяным, с сигаретой в руках, забывая утром о том, что делал вчера?! Среди людей, которых считал друзьями и которые исчезли, как только попал в беду?!»

Мы поднялись на вершину – и начался восход солнца. Огромное красное светило поднималось медленно, освещая необычные, неземные горы, словно сохранившие свой первоначальный вид от Сотворения мира. Время будто застыло здесь, остановило свой ход. Светилось все небо, краски менялись, переливались, сияли.

А я уже плакал захлеб, слезы текли не переставая. Не хотел плакать – слезы сами лились. И я почувствовал: все – это новая жизнь! Господь дает мне еще один шанс! Он оставил меня в живых для покаяния. Чтобы жить между страхом и надеждой. Чтобы искупить свои грехи. Нужно молиться, нужно делать добрые дела! Это был перелом в моей жизни.

Лена: Он заплакал на вершине горы и плакал потом всю дорогу. Во всех монастырях он забивался в угол, прятался – и плакал там. Я видела, что он молится от всего сердца. Я просила, чтобы Господь дал ему веру, – но даже сама не ожидала, что это произойдет с ним так сильно, так явно...

Он начал исповедоваться, причащаться. Потерял интерес к мирским развлечениям. Больше не пьет. Курил 25 лет – бросил. Его жизнь полностью изменилась. Мы стали ездить на Валаам, в Вырицу, к святому Александру Свирскому, в

Оптину пустынь.

Я поражаюсь тому, как Господь отвечает на молитвы!

Сергей: Я стал снова хорошо зарабатывать. Объявились старые друзья. А мне больше неинтересен прежний образ жизни. Я их спрашиваю:

– Для чего вы живете?

А они шарахаются от меня и отвечают:

– Серега, да ты расслабься! Тебе нужно войти в колею, стать таким, как прежде!

А у меня такое чувство: я спал – а теперь проснулся.

Но если раньше у меня не было веры в Бога, то сейчас пока еще не хватает веры Богу – я все еще переживаю за завтрашний день, беспокоюсь. Нет и смирения. Гордыня настолько крепко во мне сидит, трудно с ней бороться. Всегда хотелось быть первым, а теперь я учусь смирению.

Мы с партнером по бизнесу решили не нанимать уборщицу: офис небольшой, сами приберемся. И он очень быстро скинул все обязанности по уборке на меня. И вот я мою полы в офисе, мою туалет, убираю и за себя, и за него. Говорю ему: «Ножки подними». Раньше я бы его избил – а теперь только «ножки подними». Я пытаюсь рассказать ему о Боге – но он пока не особенно слушает.

Мы занимаемся перевозкой грузов из других стран, и вот батюшка из нашего храма попросил привезти из Германии 100 килограмм зондового детского питания для больного ребенка одной прихожанки – такого качества питание только

в Германии делают. Я предложил партнеру помочь за счет фирмы – он мне отказал. Тогда я вложил свои деньги и помог ребенку. Просил еще как-то партнера помочь храму – он тоже отказал, сказал:

– Нам эти деньги не вернутся.

Я снова помог из своих.

Но я не хочу его осуждать – вспоминаю, каким был сам. Может, мне его Господь послал для того, чтобы я себя вспоминал и боялся стать прежним. А его сердца Бог коснется – он, может, в сто раз лучше меня станет.

Имена героев рассказа настоящие.

А вы читали Кьеркегора?

«Жизнь – штука непредсказуемая», – вздыхал Петров, направляясь по обледенелой дороге к старой панельной пятиэтажке. Шел он не своим обычным легким, пружинистым шагом молодого человека, трижды в неделю отдающего дань тренажерам и плаванию, а шагал осторожно, держался ближе к краю дорожки, где не так скользко. А все почему? Да потому, что на руках у него сидел ребенок – совершенно чужой и непонятный ребенок – и внимательными карими глазами-бусинками пристально смотрел на Петрова.

К своим тридцати Петров никогда не держал на руках младенца: как ни просил в детстве, его мама так и не смогла купить ему братика или сестричку. Правда, он быстро перестал просить: рано смекнул, что его мама – мать-одиночка, и ей трудно растить даже одного мальчишку. Жениться Петров тоже не спешил, хотя девушка у него была, да еще какая – красавица и умница. И вот вместо того, чтобы спешить на встречу с Лерой, он тащился по незнакомой улице в незнакомый дом, да еще и с чужим ребенком на руках.

Кроха мог закатить истерику в любую минуту – пожалуй, сам Петров, будь он младенцем, точно бы закатил, если бы его внезапно куда-то поволок неизвестный ему верзила. Да и внешность у верзилы была мало подходящая для утешения младенцев. Почти двухметровый рост, плюс 95 кило чистого веса, плюс сломанный нос (память о боксе) вкуче с бритым черепом вряд ли могли навеять бедному крохе образы игривого Карлсона или веселой Мэри Поппинс. Скорее, Терминатора.

Однако ребенок оказался настоящим камикадзе: глянул на Петрова пристально глазками-бусинками, покумекал там чего-то своими младенческими мозгами – и за шею обнял.

Неожиданно.

А ведь в начале дня ничего не предвещало подобного поворота событий.

С утра запершило в горле, отлежаться бы денек, глядишь, и не разболелся бы, но лежать было некогда: на работе, как всегда в конце месяца, – аврал. Еще машина сломалась, и пришлось ехать на метро. Петров любил свою работу, и зарплата у него была вполне достойная, но эти бесконечные авралы... Да, трудиться начальником отдела продаж в такой большой компании – совсем непросто.

К обеду случилась новая напасть: зуб разболелся. Обедать не стал – аппетита ноль, отпросился с работы, сходил к зубному. От врача шел еле живой: горло болит, всю челюсть ломит – хуже не придумаешь. Самочувствие мерзопакостное, настроение под стать. Решил зайти в магазин, кофе кончился – у входа стоит побирושка. Жутко худая, балахон непонятного цвета висит как на вешалке, шапка спортивная, как колпак, на самый нос съезжает – в общем, одета в стиле «сами мы не местные, помогите, кто чем может». На руках ребенок маленький.

Вот это больше всего раздражало Петрова: когда детей используют в своем нищенском ремесле. Обычно он был человеком спокойным, но тут сорвался – рывкнул на эту тетку. Мало того, что народ обманывает, так еще над несчастным ребенком издевается.

А она, к его изумлению, ни словечка не ответила. Шап-

ку свою на глаза совсем надвинула – и ни гугу. Может, не совсем еще совесть пропила... Купил кофе, вышел – ее уже и след простыл. Дул резкий северный ветер, мела поземка, редкие прохожие спешили домой. Челюсть ныла – отходила от наркоза, горло болело, и он мечтал об одном: добраться до дома, а там какой-нибудь анальгетик принять – и на диван под плед.

Внезапно заметил: на мосту фигурка одинокая белеет. Пригляделся: та самая побирושка с ребенком. Картина называется: ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет. Стоит эта тетушка и вниз смотрит этак прицельно. Петров решил сначала не обращать внимания: ее жизнь – и пускай она с этой жизнью делает, что хочет. Прошел мимо, потом остановился, вернулся. Ребенок-то тут при чем?! В общем, плакал диван с пледом.

Призвал на помощь все свои недюжинные способности по убеждению – убедил тетушку, что проводит до дома. Молча покивала, колпак на носу, и пошла, аки овца на заклание. Плелась так медленно, что Петрову пришлось самому взять у нее ребенка.

Присмотрелся: ребенок, в отличие от матери, одет тепло, комбинезон хороший, видно, что качественный. Может, не ее ребенок?! Петров шел и изо всех сил старался не дышать на малютку – все же у него болело горло, как бы не заразить. Впрочем, вряд ли это дитя на мосту ждала более приятная перспектива...

Проводил тетушку до квартиры, заходить не стал. Она, конечно, может в любой момент на этот самый мост вернуться, но, по крайней мере, пусть самоубивается не в его присутствии... Ушел быстро, с надеждой никогда в жизни больше не увидеть ни тетку, ни чадо.

Вечером выпил пару таблеток, съел ложку меда, добрался наконец до теплого пледа. С утра почувствовал себя гораздо лучше. На работе продажи шли прекрасно, шеф выписал премию. Правда, закапризничала Лера: обиделась, что не смог с ней вчера встретиться. Уехала с подругами на какую-то модную выставку на своей новой машине – папином подарке. Ладно.

У Петрова все равно челюсть еще ныла и горло не прошло – не до свиданий. Вот поправится – тогда... Ему всегда было приятно идти с Лерой по улице, заходить в ресторан – встречные мужчины оборачивались и смотрели его девушке вслед. И никаких занудств, никаких заморочек у них с Леркой не было – необременительные такие, приятные отношения...

Машину забрал из ремонта, и вчерашний поход по ледяному городу казался уже кошмарным сном. Вечером Петров сидел в своем удобном кресле, в своей уютной холостяцкой квартире, и предвкушал прекрасный вечер. Давно собирался прочитать «Обитель» Прилепина. Открыл толстый том, а перед глазами побирושка со своим несчастным младенцем. Петров хмыкнул, отложил книгу, включил триллер. Но жал-

кая тетушка в колпаке и карие глазки-бусинки ее чада не выходили из головы. Прямо бляение ягнят, как в старом фильме!

Петров отправился на кухню: бутылка хорошего пива и бутерброд с колбасой – лучшее средство от навязчивых помыслов. Но дорогая, во рту тающая колбаса не помогла – кусок, как говорится, в горло не полез. Там у этой горе-мамаши и поесть, наверное, нечего ни самой, ни ребенку. В общем, оделся, пошел в магазин, купил продуктов полную корзину: молока, творогу, сыра, колбасы, яблок, питания детского. Пошел к побирушке.

Дверь открыла – думал: перепутал квартиры. И не тетка она совсем – девчонка молоденькая. Да, без своего шутовского колпака и пальто помоечного она выглядела гораздо лучше. Протянул сумки – застеснялась, стала отказываться. Ну, для Петрова это не было проблемой, он умел убеждать. Опыт начальника отдела продаж – это, я вам скажу, не фунт изюму. Уговорил.

Было ясно, что продукты пришлись кстати. Младенец оказался девочкой – худенькая, маленькая, примерно годика полтора. Одета чистенько, глазенки умные, ушки большие, лопухие такие. Смешная девочка... Имя Петров спрашивать не стал ни у самой, ни дочки – зачем они ему?! Все! Мавр сделал свое дело, мавр может быть свободен! Ягнята замолчали.

Дни летели. В воскресенье Петров сходил с Лерой в те-

атр, спектакль оказался так себе. Потом они, как обычно, поехали к нему домой, вечер прошел нормально. Петрову думалось: хорошо, что он с Лерой. Никаких тебе африканских страстей – приятные отношения двух свободных людей. Правда, в последнее время они почти не разговаривали – вроде и говорить не о чем. А так – Лера была идеальным вариантом.

Ночевать она, как обычно, не осталась. Проводил, хотел лечь – и снова начал думать об этой побирушке с ее лопухим ребенком. Ну, закупленных продуктов на несколько дней им точно хватит, значит, они там не голодные...

На следующий день Петров неожиданно для себя сразу после работы снова отправился в старую пятиэтажку. Купил еще продуктов. Зачем-то купил оранжевого зайца, мягкого такого. Сам непонятно чему обрадовался, когда лопухая доверчиво взяла этого зайца, прижала к груди, улыбнулась. Такая кроха, а уже что-то понимает...

Узнал имена. Кроху зовут Анечкой. Анютка. И ей уже три года, просто она маленькая ростиком. Побирушку зовут Настей. Светловолосая, тоненькая, глазищи большие. Сирота, наверное... Больше Петров ничего спрашивать не стал – не хотел лезть в чужие дела. Зачем ему это?!

С этого дня жизнь Петрова как-то странно разделилась на две половины. В одной половине он ходил на работу, водил Леру в ресторан и прочие увеселительные заведения, в другой – ездил к Насте с Анюткой. Прямо раздвоение личности. Доктор Джекилл и мистер Хайд из книжки Роберта Льюиса Стивенсона. За ужином с Лерой Петров думал о том, что нужно купить его подопечным. И думать об этом ему было приятно. Ведь, кроме продуктов и зайца, им нужно много чего: одежда, например, лекарства... У них в квартире чистенько так, уютно, но очень бедно.

Потом Петров сделал для себя открытие: оказалось, с де-вушками вполне можно разговаривать, и это даже интересно.

Они пили с Настей чай, и ему было приятно с ней общаться, нравилось, как она рассказывает – тихо, неспешно. Нравилась ее интонация, чувство собеседника. Узнал, что она, как и он сам, росла без отца. В отличие от Петрова, она росла еще и без матери: маму сбила машина, когда Настя пошла в первый класс. Воспитывала девочку бабушка. Правда, у бабули диагностировали рак пищевода, еще когда жива была Настина мама, и врачи не давали старушке и двух лет жизни.

Но она оказалась стойким оловянным солдатиком. Объявила своему смертельному недугу: «Ты как хочешь, а мне сейчас помирать нельзя». И прожила еще десять лет. Последние месяцы совсем не могла принимать пищу, лишь несколько глотков молока или бульона. Еще бабушка, по словам Насти, была глубоко верующим человеком. Воду святую все пила, причащалась часто – и это ее поддерживало.

В школе Настя хорошо училась и мечтала о медицине. Но, оставшись без поддержки, смогла окончить только медучилище и работала медсестрой.

Оказалось также, что она была замужем. Петров подумал, что, наверное, ей было очень одиноко, вот и вышла замуж, – девушки ведь так нуждаются в опоре и поддержке. Правда, замужество длилось только до рождения Анютки. Настя тяжело переболела, и младенец родился сильно недоношенным – при рождении весил всего 700 грамм. При такой недоношенности не все органы успели развиваться: родилась девочка с неразвитыми почками и легкими, слепая и глухая...

Муж Насти после рождения Анютки сказал: «Зачем нам больной ребенок? Мучиться с ним?!» А когда жена отказалась оставить дочку в роддоме – ушел, позднее подал на развод. Алименты платить должен, но не платит, и где проживает – неизвестно. Сейчас у Анютки почти все в норме. Правда, она по-прежнему глухая, и в садик ее пока не берут, но врачи говорят, есть надежда... Нужны деньги. Настя подрабатывает: ставит уколы и капельницы двум старушкам, но денег не хватает, и недавно, в трудную минуту, она, сама не знает как, решилась попросить о помощи, но попытка эта оказалась крайне неудачной.

Петров слушал, смотрел на кроху, и у него как-то странно щипало в носу: такие большие ушки – и не слышат... И этот лопушок за свою крошечную жизнь уже так настрадался! Петров неловко откашлялся и попросил еще чая, хотя совсем не хотел пить. В злополучном носу отчаянно щипало. Когда Настя отвернулась к плите, он потер нос и постарался придать своему лицу невозмутимое выражение.

Анютка, что-то почувствовав, подошла к Петрову и посмотрела в лицо. Он подумал: кроха чувствует людей, как ее мама, и даже лучше. Малышка смотрела внимательно, а потом протянула ему своего зайца. Она его утешала! И тогда Петрова просто накрыло – такой острой жалости он давно не чувствовал, и даже не знал, что способен на нее. Он бережно подвинул ребенка и срочно ретировался в ванную.

Настя слушала, как в ванной течет вода, и думала о чем-то

своим, а когда гость вернулся, молча подвинула ему чашку с чаем. Петров наконец осторожно спросил то, что не давало ему покоя:

– Настя, бабушка у тебя верующая была, а ты сама?

– И я, конечно, тоже.

– А как же там, на мосту?

– Что – на мосту?

– Что ты делала там? Стояла, смотрела вниз... Что ты собиралась сделать?

– Ах, вот ты о чем... Нет, о самоубийстве я точно не думала. О жизни думала, о том, как жить нам с Анюткой дальше. Плакала. Молилась святителю Николаю Чудотворцу. Он всегда помогает тем, кто его просит о помощи. Святитель Николай своих не бросает.

Петров засмеялся:

– Вот он и послал тебе меня.

Но Настя не улыбнулась в ответ. Она серьезно и тихо повторила:

– Да, он послал мне тебя.

Петров хмыкнул недоверчиво. Потом сказал:

– Ты меня прости – обидел тебя тогда...

– Давно простила.

И вдруг, ни с того ни с сего, он начал рассказывать Насте о своем детстве. Отца Петров никогда не видел. Мама работала на двух работах. Ходила все время в одной и той же старенькой кофточке, в плащике болоньевом... Пришла

как-то в школу на совместный с родителями вечер, а он ее застеснялся и убежал. До сих пор простить себе не может...

В детстве мечтал, что вот вырастет – заработает кучу денег, купит мамке все, что она захочет: платья всякие новые, красивые, сережки золотые, ну, как они там, женщины, любят, шубу... Ну все в общем... Путешествовать с ней поедет... Все страны ей покажет...

Он сейчас мог хоть в кругосветку махнуть – деньги-то есть. Мамки только нет... Не успел ее порадовать...

Вот так Петров Насте про свое детство вдруг взял и рассказал. Чудное дело – с Лерой два года вместе, а он ей никогда про себя не рассказывал. Как-то желания не возникало... А Насте рассказал... Петров думал: наверное, это потому, что она слушать умеет. Это вообще редкое качество. Лерка образованнее, начитаннее, но вот слушать она не умеет и не любит. И когда ей пытаешься что-то рассказать, она только и ждет момента, чтобы вернуть свою умную мысль. А Настя так слушает, что ей хочется рассказывать...

Дни шли. Две половины нового Петрова никак не могли правильно состыковаться, и каждая из них старалась вытеснить другую из его жизни. Скоро Лера выразила Петрову свое недовольство: он стал реже с ней видаться, потому что теперь после работы часто ездил к Насте с Анюткой. Привозил им продукты, игрушки, и они пили чай, и он играл с крохой, и это ему очень нравилось. Это было странно – он привык к другой жизни, к драйву и спешке, а тут не было

спешки, зато был мир и душевный покой.

Петров рассказал Лере о Насте и Анечке все с самого начала. Она слушала молча, с мрачным выражением лица: ей были неприятны и нищенки, и матери-одиночки, и отсталые, темные, религиозные люди. Тогда он предложил съездить к Насте вместе: если она увидит их с Анюткой в реальности, увидит, какие они, – точно изменит свое отношение.

Еще они договорились на рождественские праздники поехать в Красную Поляну, покататься на лыжах.

В выходные вместе приехали к Насте, но лучше бы они этого не делали.

Лера отказалась от чая, и вид у нее при этом был таким, словно Петров привез ее в какой-то притон. Не растрогал девушку и вид Анютки, она смотрела на ребенка с недоумением и откровенной брезгливостью. Петрову стало обидно за кроху, и он взял ее на руки.

Тогда Лера перестала обращать на них внимание и заговорила с Настей:

– А вы были на выставке Бенуа в Центральном доме художника? Нет?! Жаль... А на выставке «Шедевры Пинакотеки Ватикана»? Тоже нет?! О! Там же были Беллини, Рафаэль, Караваджо!

Петров сказал тихо:

– Лер, Насте не до выставок, перестань...

– Ну, я же пытаюсь найти общие темы...

– Лера, пожалуйста...

– Подожди, Алекс! Скажите, Настя, а чем вы увлекаетесь? Книжки, наверное, тоже некогда читать? Вы когда-нибудь читали, ну, например, Кьеркегора?

– Лера!

И тут, к изумлению Петрова, Настя спокойно ответила:

– Сейчас мне действительно не до выставок, хотя я бы с радостью посмотрела Беллини: ведь его называют самым обаятельным художником XV века... У Караваджо мне нравятся картины на библейские сюжеты: «Отдых на пути в Египет», «Марфа и Мария»... А Рафаэль Санти был любимым художником моей бабушки...

Лера растерялась и повторила:

– Бабушки...

Настя мягко продолжила:

– Да, моей бабушки. Она, кстати, имела прекрасную библиотеку... И мне приходилось читать Серена Кьеркегора... «Дело любви», «Христианские речи»... Мне всегда было интересно, как Кьеркегор делит людей на четыре типа: обыватель, эстетик, этик и верующий человек. Обыватель плывет по течению. Эстетик наслаждается жизнью и ее красотой. Этик различает добро и зло. Но только верующий человек понимает, в чем смысл жизни. А какая именно работа Кьеркегора нравится вам, Лера?

Лера молчала. Она несколько раз открывала рот, но снова закрывала его. Видимо, слов у нее больше не было. И, по всей видимости, сама она этого Кьеркегора вовсе и не читала. А Петрову захотелось обнять Настю. Но вместо этого он спросил:

– А кто у нас бабушка?

– Бабушка у меня была профессором, заведующей кафедрой истории и теории искусства.

Вечер явно не удался. Лера вышла из квартиры крайне недовольная и обвинила Петрова в том, что он ее «подставил». Также она отказалась ехать с ним в Красную Поляну и вообще видеть и слышать его в ближайшие 50 лет. Про себя Лера думала, что расстаться нужно было уже давно, и сегодняшняя ссора очень кстати: на праздники она поедет не

в доморощенную Красную Поляну с каким-то начальником отдела, а на лучший горнолыжный курорт в Альпах с директором фирмы.

К изумлению Леры, Петров тоже не выглядел расстроенным. И он действительно не расстроился. Мысли Петрова были заняты предстоящей покупкой елочки – дети любят встречать Рождество с елкой.

Имена героев рассказа изменены по их просьбе.

История, рассказанная под Рождество

Пасмурное утро встретило метелью. Снежные вихри клубились в пустых подворотнях, бросали в лицо пригоршни стылой мокрой крупы, редкие пешеходы поднимали воротники, прятали покрасневшие лица. Оглушенный новогодними возлияниями и фейерверками, город приходил в себя, доедал оливье, обменивался в сетях елочно-застольными фотографиями, с запоздалым раскаянием ждал Рождества. Припорошенные снегом ступени старинного московского храма на Таганке предсказывали то, в чем убедилась Екатерина Васильевна пару минут спустя, с трудом потянув на себя тяжелую кованую дверь: народу внутри почти не было.

В высокие окна бил снег, в полутьме уютно мерцали разноцветные лампадки, тонко пахло ладаном. Екатерина купила свечи у маленькой востроносой старушки за свечным ящиком, медленно, с молитвой прошла от иконы к иконе. Просила об одном: о доченьке. Задержалась у большой иконы святого праведного Иоанна Кронштадтского – сегодня, второго января, был как раз его праздник. Екатерина Васильевна тихонько опустилась на колени: ей захотелось поделиться с любимым святым своими переживаниями, тем паче что сегодня все они должны были так или иначе разрешиться – вечером предстояла решительная и судьбоносная

встреча.

– Отец Иоанн! Отченька! – печально вымолвила Екатерина Васильевна, и вся история словно заново промелькнула в ее воспоминаниях.

А дело было вот в чем. Настя, ее солнышко, открытая, добрая, доверчивая, последнее время похудела, осунулась, часто плакала. Истоки ее печали таились в истории трехлетней давности. Настя, несмотря на свою общительность, была

девушкой скромной, верующей, с молодыми людьми держала себя строго, вольностей не позволяла, ждала единственного. Училась в институте на четвертом курсе и благодаря своим несомненным художественным талантам даже подрабатывала на полставки дизайнером.

По каким-то компьютерным вопросам у нее завязалось знакомство с молодым человеком, Кириллом. Они оказались ровесниками. Правда, он поздно пошел в школу, почти в восемь лет, по сравнению с шестилетней Настей, отставал от нее в учебе и был только второкурсником, но, по словам дочки, умнейшим парнем и интересным собеседником: тонким, тактичным, начитанным. Деловые отношения быстро переросли в личные, и постепенно они стали лучшими друзьями – виртуальными, правда. Превратились друг для друга в сердечных поверенных всех своих незамысловатых молодых тайн и дум.

Настя спешила к ноутбуку, чтобы поделиться внезапно пришедшими в голову, но такими занимательными мыслями, впечатлениями от чудесных книг, выставок, светлой радостью от церковных праздников, служб, а также огорчениями от неизбежных житейских неприятностей. Кирилл делал то же самое. Делились сокровенным, и ни одна подружка не понимала Настю так хорошо, как Кириуша. Загвоздка была в том, что они ни разу не встречались в реальной жизни, хотя, как оказалось, жили совсем рядом, даже и на одной улице.

Через год такой виртуальной дружбы Настя не выдержала.

ла. Она знала, что Кирюша с удовольствием смотрит хоккей и болеет за одну команду. Находчивая девушка предложила следующее: если команда Кирюши проиграет – все в их общении остается по-старому. Если выиграет – они наконец встретятся.

Команда выиграла, и встреча состоялась. Молодые люди погуляли в парке и быстро разошлись по домам. Настя вернулась очень расстроенная. На вопросы обеспокоенной Екатерины Васильевны и отца, Николая Петровича, рассказала следующее. Нет, никакого обмана, к счастью, не выявилось – Кирюша не выдавал себя в сети за другого человека. Он оказался тем, кем и представился: студентом МЭИ – Московского энергетического института, светловолосым молодым человеком, высоким и привлекательным, но – совершенным интровертом.

Настя печалилась:

– Мам, я больше не буду с ним в реальной жизни встречаться! Зачем я вообще это затеяла?! Лучше бы у меня был друг по переписке! В реальной жизни – нет, мам, это надо видеть! Это каменное, непроницаемое лицо... Этот застывший взгляд... Я соловьем разливалась, пытаюсь поймать его улыбку, – но, похоже, он не умеет улыбаться! Вообще не умеет! Он всю дорогу молчал. Говорила я одна.

– Ну, значит, он прекрасный слушатель...

– Да какой же это слушатель, когда на его лице никакой ответной реакции прочитывать нельзя! Похоже, что я ему со-

вершено не понравилась... И зачем я только так много трещала?! Это я от неловкости... Все, мам, был у меня друг, такой хороший, и теперь я его потеряла. Он мне и писать больше не станет, наверное... Разочаровался...

Но Настя ошиблась. Кирюша не разочаровался. В первое же воскресенье, после обеда, когда семья Петровых как раз вернулась с литургии, в дверь позвонили. Екатерина Васильевна открыла – на пороге стоял Кирилл с роскошным букетом цветов, именно такой, каким его по фото она и запомнила: красивый, мужественный, высоченный парень. У нее дочка сама высокая, метр восемьдесят, а тут – как раз ей под стать, под два метра ростом. Подошел к двери отец, Николай Петрович, поздоровался, с удивлением глянул на молчаливого гостя. Кирюша все так же молча вручил Екатерине Васильевне букет. Лицо у него на самом деле было каменное. «Словно в броню закованный», – подумала Екатерина Васильевна.

Настя встретила гостя круглыми от изумления глазами – она совершенно не ожидала увидеть своего виртуального друга в реальности еще раз. Тем не менее быстро собралась и отправилась с Кириллом на прогулку.

И – все завертелось. Каменный гость приходил так часто, как мог, и скоро они с Настей стали неразлучными и в реальности.

– Понимаешь, мама, это обманчивое впечатление у меня было. На самом деле я ему очень-очень понравилась! Просто

он плохо умеет выражать свои чувства!

Постепенно Екатерина Васильевна и Николай Петрович тоже ближе познакомились с Кирюшей и поняли, в чем дело. Мальчик рос в очень обеспеченной семье. Мама и папа давали ему все – кроме своего времени и своей любви. Мама, ослепительная блондинка с фигурой модели, без конца разводилась и снова выходила замуж, и каждый ее новый муж оказывался богаче и успешнее старого. А что такого? Рыба, известно, ищет, где глубже, а Кирюшиной маме хотелось простого женского счастья. В поисках этого самого женского счастья ей было совершенно не до сына.

А в чем, собственно, дело? Мальчик одет и обут, да еще и получше своих сверстников! Все у него есть. В школу – из школы его водитель возит. Дом, как говорится, полная чаша. Все время один? Нет друзей? А, позвольте, с кем ему дружить?! Он ведь не желает дружить с сыном Петра Михайловича, да-да, того самого Петра Михайловича, – у нас, у Дубровских, свой круг общения! А Кирилл еще в начальных классах вдруг стал водить в наш дом сопливых детей слесарей и прочих работяг – так мама их быстро отвадила! Пусть лучше за компьютером сидит, там хоть пить-курить не научится!

И Кирюша сидел за компьютером. Он стал настоящим хакером, но совершенно не ориентировался в реальной обстановке и потому среди однокурсников слыл парнем неплохим, но нелюдимым. Его быстро перестали приглашать на

веселые студенческие вечеринки, и даже в студенческом кафе никто не спешил занять место с ним рядом.

Кирюша и Настя стали общаться так часто, как позволяла им их учеба. Как-то Екатерина Васильевна встретила парочку в парке, на соседней аллее, пошла медленно, готовясь. Сейчас увидят, подойдут к ней. Но молодые люди никого не видели вокруг себя. Екатерина Васильевна пригляделась – и не узнала Кирилла: это был совершенно другой человек! Дочка рассказывала что-то радостное, лицо ее светилось, а Кирюша слушал ее так, словно он слушает самого умного человека на земле, – и ее радость отражалась на его лице. Оно больше не было каменным! А потом Настя раззадорилась, слепила снежок, и этот высокий, сильный парень резвился, бегал вокруг ее дочки как ребенок, как большой неуклюжий щенок. Счастливое выражение его лица больше ничем не напоминало прежнюю непроницаемую маску каменного гостя.

Настя стала его первым другом и первой девушкой. Тонкой соломинкой. Спасительным кругом. И Кирюша ухватился за этот круг со всей своей нерастраченной в реальной жизни решительностью. Он, как выяснилось, тосковал по близкому человеку все эти годы. Тосковал так сильно, так пронзительно – и даже сам не догадывался об этом, заглушая свою тоску компьютерными бессонными ночами. И теперь его душа открывалась навстречу открытой доброй душе Насти. Открывалась – и узнавала: как это прекрасно, когда рядом близкий человек! Какое это счастье! Какая милость Бо-

жия! И Кирюша готов был до последней капли крови сражаться с любым, кто вздумает помешать его обретению родственной души, его близости с этой чудесной, необыкновенной девушкой. Он на нее дышать боялся и с трепетом дотрагивался до ее тонких пальчиков.

Постепенно менялся и образ жизни Кирюши. Вообще, в его характере оказалось много дотошности. «Какой ты дотошный у меня!» – говорила Настя иногда, но не упрекая, а как бы даже любуясь. Скажем, Кирюша всегда подробно расспрашивал любимую о каких-то неприятностях, потом подробно анализировал и делал вывод, давал совет – и она радовалась, что совет обычно оказывался умным и своевременным. Он проявил свою дотошность и в вопросах посещения храма: сначала долго расспрашивал Настю о православных традициях и порядках. Не удовлетворившись, начал сам читать духовные книги. А потом, как бы докопавшись до истины, осознанно и решительно вместе с любимой девушкой пошел на службу – так, словно ходил в храм с детства.

Настя приохотила его к своим собственным увлечениям – зимним лыжам и верховой езде. Однако далось ей это непросто. Кирюша не выказывал активного сопротивления, но мягко и нежно убеждал Настю, что физические упражнения на холодном воздухе вполне могут привести к хроническому бронхиту, а он привык работать не ногами, а головой и в теплом помещении, но любимая девушка была непреклонна. И Кирюша мужественно ломал себя, и шел в этот непо-

нятный холодный дикий зимний лес, и неловко надевал эти дурацкие лыжи, а потом с упоением катался по заснеженным полянам, и на его бледном от ночных компьютерных посиделок лице впервые появлялся здоровый румянец. Вернувшись с морозца, уставший, но страшно довольный, он трескал сочные кулебяки Екатерины Васильевны, пил душистый чай и признавался, что никогда в жизни так хорошо не проводил время.

Про лошадей – отдельная история. Как признавался позднее бывший компьютерный затворник, нет ничего прекраснее и приятнее, чем чувствовать в ладони теплую лошади-

ную морду, дать лошадке кусочек сахара, а потом почувствовать себя лихим наездником – и мчаться по полям и просторам. Мчаться, правда, на самом деле у него не очень получалось, но держался он на лошади вполне неплохо для начинающего. Кирюша задумчиво замечал:

– Я как в тюрьме сидел до встречи с тобой... А ты меня на волю выпустила! Теперь я от тебя никуда не уйду!

– Конечно, не уйдешь, глупыш! Я и сама тебя никуда не отпущу!

Дружба молодых людей продолжалась два с лишним года. Отношения становились все более близкими, и в конце концов они поняли и осознали, что хотят быть вместе целиком и полностью – Кирюша и Настя решили пожениться. Они сидели перед Екатериной Васильевной и, волнуясь, говорили с ней, открывали свои планы – и она видела, как они любят друг друга, как понимают с полуслова, так что каждое предложение, начатое одним, второй может продолжить.

Екатерина Васильевна слушала эти планы – и они представлялись ей вполне реальными. Правда, Кирюша учился на пятом курсе, дипломное проектирование было на его факультете делом очень сложным, требовало полной отдачи, так что работать он бы не смог. И хотя время от времени благодаря своим компьютерным талантам ему удавалось зарабатывать даже и приличные суммы, но полагаться на эти нерегулярные доходы было опрометчиво. Зато Настя институт уже окончила, работала и зарабатывала достаточно для

двоих – для скромной жизни молодой семьи. Они предполагали снимать пока однокомнатную квартиру и даже нашли подходящий вариант.

Обоим хотелось свадьбу – такую, чтобы праздник, – но обременять родителей ни с той, ни с другой стороны не желали и поэтому решили скромно расписаться, потом обвенчаться – и стать настоящей семьей. Жить так называемым гражданским браком они, как люди верующие, не хотели, и жить порознь им тоже уже не представлялось возможным, да и особенных препятствий к настоящей семейной жизни они не видели.

– А если ребенок? – в задумчивости спросила Екатерина Васильевна.

– Мам, мы поженимся – и вполне можем родить ребенка. Появляется он ведь не мгновенно, а Кирюша через полгода уже будет готовым специалистом, выпускники его факультета – люди востребованные, так что он сможет прокормить и меня, и малыша, если Господь нам его пошлет.

И тут на сцену вышли родители Кирюши. Его мать, Лариса Витольдовна, сквозь пальцы смотревшая на «увлечение» сына, узнав о том, что это и не увлечение вовсе, а настоящее чувство, и свадьба не за горами, совершенно слетела с катушек и заявила, как в одном известном фильме: «Свадьбы не будет!» И не то чтобы она просила отложить свадьбу до окончания института – она была против женитьбы сына на Насте вообще и настойчиво убеждала Кирюшу, что Настя

«птица не его полета», что «ему нужно думать об учебе, потом о карьере, а не о девках». Она даже приходила к Насте на работу и требовала оставить ее сына в покое. Екатерине Васильевне было больно видеть, как тяжело переживает ситуацию дочка. Наконец Лариса Витольдовна предложила встретиться семьями для окончательного выяснения отношений.

Встреча предстояла сегодня – и Екатерина Васильевна пошла с утра в храм, помолиться об успешном решении вопроса.

Она встала с колен, подняла глаза на икону святого праведного Иоанна Кронштадтского – и вдруг неожиданно для себя заплакала. Ее доченька, ее солнышко, умная, добрая, верующая, талантливая – и вот ее не желают видеть своей невесткой. За что так? Почему? А если Кирюша послушает мать? Мать есть мать. Как без ее благословения? Как им жизнь свою семейную начинать не с благословения материнского, а с проклятий? Почему так?

Глянула на святого, и дыхание перехватило – Иоанн Кронштадтский смотрел ласково-ласково, и глаза его были совершенно живыми. Екатерина Васильевна не поверила себе – такого не могло быть! Она опустила голову, потом подняла еще раз – святой продолжал смотреть на нее совершенно живыми глазами и необыкновенно ласково, так что по телу прошла дрожь. Она внезапно подумала, что это дерзость – смотреть прямо в глаза святому, и снова опустилась на колени. Слезы текли, но это были уже не слезы отчаяния – в душе

росло теплое чувство защищенности, радости, уверенности в благополучном исходе ситуации.

Екатерина Васильевна поднялась, приложилась с благодарностью к образу, не смея поднять глаз, отошла подальше от иконы и только тогда снова глянула – но издалека она уже не могла разглядеть глаз любимого святого. Все внутри ликовало и пело.

Вечером они всей семьей отправились на судьбоносную встречу. Договорились встретиться в кафе «Дядя Коля». Когда пришли, оказалось, что родители Кирилла перепутали кафе и побывали сначала совершенно в другом. Они вообще были привычны к более дорогим заведениям, а это кафе для встречи выбрали, чтобы продемонстрировать: мы не воспринимаем претендентов на будущее родство всерьез. А «Дядя Коля» оказался сетевым, и они направились сначала совершенно к другому «Дяде Коле». Пришли уже рассерженными, взвинченными. Сели трое на трое с разных сторон стола, и Екатерина Васильевна почувствовала себя на баррикаде.

Белокурая Лариса Витольдовна выглядела просто шикарно – стройная, ухоженная, сияющая, просто звезда. Екатерина Васильевна, глядя на нее, почувствовала себя простушкой. Новый отчим Кирюши, рослый, тоже белокурый немец в очках, выглядел очень представительно, даже пафосно. Кирилл невозмутимо молчал. На лице у него было уже забытое Настей каменное выражение.

Поздоровались. Сделали заказ. В кафе тихо играла музы-

ка, на елочке светились фонарики – приятная семейная атмосфера. Вот только за столом у них атмосфера была разряженной, как перед грозой, в воздухе пахло скандалом. Екатерина Васильевна, Николай Петрович и Настя заказали овощи на мангале, чай. Лариса Витольдовна взяла себе, мужу и Кириллу только кофе – так, чтобы сразу стало ясно: разговор предстоит короткий. Неожиданно для нее Кирюша сам сделал заказ и тоже выбрал овощи на мангале.

Немец молчал и не вмешивался в дела этих странных русских, зато Лариса Витольдовна вещала за двоих, точнее, за обе семьи сразу. Она вдохновенно убеждала молодежь не спешить, воспевала достоинства пробного брака и на собственном примере доказывала, как много партнеров нужно сменить для того, чтобы нашелся наконец подходящий для жизни человек. Была согласна сама платить за съемную квартиру – лишь бы не было свадьбы и «этого нелепого венчания».

Кирилл невозмутимо жевал, не издавая ни звука, изредка кивал головой в такт музыке. На Насте лица не было. Екатерина Васильевна решила, что все кончено. Ей было безумно жалко дочку.

Красноречивый монолог Ларисы Витольдовны все набирал обороты. На самом высоком витке, видимо, решив, что сын созрел и пора сделать заключительный аккорд, она воззвала:

– Кирилл, ты ведь согласен со мной, не так ли, сыночек?!

Сыночек!

Кирюша словно проснулся. Он перестал жевать. Посмотрел на мать и спросил:

– Что? Прости, я не расслышал. Увлёкся ужином. Очень вкусно.

Затем каменное выражение его лица внезапно сменилось на совершенно нормальное. Он встал из-за стола, достал из кармана бархатную коробочку и торжественно и громко произнес:

– Дорогие Екатерина Васильевна и Николай Петрович, я хочу просить у вас руки вашей дочери!

Настя заплакала. Екатерина Васильевна обняла ее и заплакала тоже. Лариса Витольдовна молча вышла из-за стола и гордо удалилась. Немец, несколько смущенный, пожал руку Николаю Петровичу, криво улыбнулся этим странным русским и пошел догонять супругу. Настя и Кирюша сели рядом, держась за руки крепко-крепко. И было видно – не стоит и пытаться разлучить этих двоих.

Послесловие. Сейчас, спустя шесть лет, они так же неразлучны. Кирюша работает на серьезном предприятии, хорошо зарабатывает и вырос уже до начальника отдела. Они с Настей растят пятилетнюю дочку Анечку. Кирюша оказался идеальным отцом, и дотошность его пришлась очень даже кстати при уходе за младенцем. И сейчас Анечка в папе души не чает. Мама Кирилла давно смягчилась и любит внучку. Настя ждет второго ребенка. Имена героев

рассказа изменены по их просьбе.

В чем счастье?

Что, дочка, вот и тронулся наш поезд... Кажется, далеко ехать, а не успеешь оглянуться – и приедем. Как жизнь человеческая. В детстве думаешь, конца-краю не будет, глянь – а уже седина в волосах... Да... Раньше – работаю и молюсь, молюсь да работаю. А сейчас восьмой десяток перешагнула – осталась мне одна молитва. И слава Богу! Все подружки мои давно с того света поклоны мне передают, а я вот – живу... Еще и на поезде еду... Да... Жизнь моя к закату давно клонится... Много перевидала на веку... Я тебе не мешаю своими разговорами?

Просишь про старую жизнь рассказать? Эх, дочка, рассказать-то я могу... Да только развеселит ли тебя мой рассказ или опечалит? Я и сама – чем старше, тем все чаще вспоминать старую жизнь стала... Иной раз задремлешь – и словно в детство вернешься...

Мои предки – терские казаки – когда-то жили в станице Александрийской. Это одна из чисто русских станиц у Каспийского моря. Дедушка мой, станичный атаман, владел конным и рыболовным заводами, мельницей. Рабочие его очень любили. Когда началась Гражданская война, пришлые красноармейцы утопили богатых станичников на корабле, среди казненных были мои дедушка и бабушка.

А я родилась в селе Бахтемир, в Кизлярском районе, на берегу Каспийского моря. Хорошо помню родное село: желтые пески, высокие песчаные бугры, море, где купались с подружками, на лодке плавали. Сидели на берегу и мечтали о дальних странах, а седой Каспий вздыхал глубоко, и сочув-

ствовал нашим мечтам, и ласково гладил наши маленькие босые ноги, а белые клочья его белоснежной бороды перекачивались по гребням синих волн.

Братец мой, Леня, на два года младше меня, шутник был. Пугал меня все время. Раз идем с подружками вечером из кино, я к дому свернула, а сзади – кладбище. Он спрятался – как крикнет! Я враз на бугор взлетела!

У нас там часто бывали вихри. Как-то пошла я в магазин. Возвращаюсь назад – вдруг ветер сухой, вихрь идет. Я помчалась от него. Смотрю: мама навстречу бежит. Схватила меня в охапку, прижала к себе. Я подняла голову, смотрю: змей огромный, с черными крыльями. Страшно – мочи нет! Мама начала читать «Отче наш» – и змей тот рассыпался.

Нас было трое детей в семье: я, брат и сестренка. Мы очень любили отца. Помню, сидим втроем на печке, дверь открывается – военный стоит. Говорит папке:

– Алексей Дмитрич, завтра явиться в РККА!

– Есть явиться в РККА!

Ушел военный.

– Пап, а что такое РККА?

– Рабоче-крестьянская Красная армия.

И тут я заплакала – поняла, что папку на войну забирают. Утром сели наши отцы на бричку – человек десять, и уехала та бричка, увезла папу, а с ним и мое счастливое детство. Бегу за бричкой, голые пятки пыль поднимают:

– Папа, возьми меня с собой!

Стали мы без отца жить. Война, голод. Огород наш давал картошку да кабачки, ни помидоров, ни огурцов. Что хорошего появится – все на фронт отправляли. Спали на печке, подросли, на печке тесно стало – на полу. Матрац набьешь кукурузными листьями – вот и постель.

Папка наш был моряк. Воюет он, а маме снится сон: передний угол, где иконы, лопнул, и щель в углу. Не упал угол, не разрушился – просто лопнул. Мамка кричит:

– Дети, проснитесь – нашего папу ранило!

И точно – пришло письмо: именно в этот день папку ранило. Ранение было тяжелым. Повезли его в госпиталь на палубе корабля. Палуба железная, ледяная, ветер гуляет, а у него и рука, и нога прострелены – он даже повернуться не мог. Чувствует – бок болит со страшной силой. В госпитале в Туапсе посмотрели: рука и нога заживут, а вот туберкулез открытый может быстро в могилу свести. Пишет папка нам письмо: «Боюсь вернуться домой – вас заражу, да и без лекарств долго не протяну. А в госпитале остаться – в плен попаду».

Вернулся он домой. В рюкзаке с собой лекарства привез от туберкулеза. Врач попался добрый. Сказал:

– Пока лекарства будут – будешь жить!

Так и получилось.

Как я была счастлива, когда папа вернулся! Повел он меня в школу – а я только три класса до войны окончила. Хотел меня в пятый класс пристроить, а я уже переросток была по

годам, и директор-еврейка меня не приняла. Сказала: «Она будет мальчишек соблазнять!» Папка возмутился: «Верочка у нас скромная девочка!» Но директор уперлась, так и не приняла. Вот и все мое образование – три класса. А учиться мне очень хотелось! Я была трудолюбивая, любознательная, схватывала все на лету. Но вот не судьба была выучиться. Читать научилась – и ладно.

Читать-то я очень сильно любила! В нашей школьной библиотеке самая главная читательница была... Про путешествия любила, про природу еще... Красота природы всегда для меня большим утешением была! Любила наблюдать за сменой времен года, как природа наряды свои меняет... Осень – самая любимая. Весь год ее всегда ждала. Прохлада осенняя сердца коснется, ток крови успокоится, хрустальная вода родниковая губы обожжет ледяной сладостью, краски золотые душу порадуют...

Папка не дожид до Победы. Пока лекарства пил – с болезнью боролся. А кончились лекарства – и... У нашего врача в селе от всех болезней только хинин и был...

Мама одна с тремя детьми билась. Росли мы в страшной бедности. А выросла я красавицей! Только худенькая очень была.

И пришла весна, и на мелководьях, прогреваемых солнцем, зацвели нежные белые, кремовые и розовые лотосы – целые поля цветущих лотосов! Из воды на высоких и крепких стеблях поднимались все новые и новые бутоны, и тонкий, нежный аромат миндаля накатывал волнами, дарил предвкушение счастья. Невзрачные просторы вокруг тоже

преобразились – вся степь зацвела красным, желтым, сиреневым ковром из диких тюльпанов.

Влюбилась я в парня одного, Гришу. Он был бригадиром на ферме. И он меня полюбил. И была я опять – такая счастливая!

Заслал Гриша сватов. А мне передали подружки, что мать его сказала про меня:

– Вера – хорошая девушка, но бедная очень! Моему сыну не пара!

И зачем подружки мне слова такие передали?! По зависти или по неразумию? А были ли вообще слова эти сказаны? Да если и были, ведь Гриша все равно решил на мне жениться, несмотря на мою бедность! Это я уже потом все передумала! А тогда...

После войны почти все трудно жили, но мы с мамой даже из самых бедных своей бедностью выделялись. У кого-то отцы живые с фронта вернулись, у кого-то деды-прадеды основу хозяйства заложили или сыновья взрослые работали уже. А у нас – бабушка с дедушкой убиты, хозяйство разорено, мама – сирота, и папа такой же. Да еще, когда папа болел, мама потихоньку от него все ценное из дому вынесла – выменяла на продукты: все хотела больного поддержать. То маслица кусочек выменяет, то яичек. При открытом туберкулезе ведь питание много значит.

И вот после смерти папы стали мы совсем нищими. Я – старшая среди детишек. А толку, что старшая – образова-

ния нет, сил физических тоже – тоненькая, хрупкая. У других девушек хоть какое-то приданое, а мне и надеть-то нечего. Стала думать: ведь испорчу я жизнь любимому человеку. Будет его мать попрекать: на нищей женился! Начнут друзья смеяться: невеста как курица общипанная. Такие у меня мысли в то время были – молоденькая, глупая... Казалось: вся жизнь впереди! Огромная, долгая... Счастье от меня никуда не убежит – ждет где-то за поворотом...

И когда отец Гриши пришел в наш дом, мама спросила меня: пойду ли замуж. Я и ответила:

– Нет, не пойду!

В нашем селе работы для меня никакой не было, поехала я в соседнее село, побольше, устроилась работать санитаркой в роддом. Работаю, зарплату получаю и обедаю бесплатно с персоналом. Хоть еда и немудреная, но дома-то и совсем голодно. Из зарплаты немного себе оставлю – остальное маме пошлю, на младших.

Была я хоть и тоненькая, но ловкая, быстрая. Чистоту любила. Все переваю, перетру. Всех рожениц уважу. Они меня любили очень – я их жалела. Старая санитарка приберется да и сидит под лестницей в своем закутке, дремлет. А я к каждой роженице подойду – может, помочь чем, может, что подать... В свободную минутку «Акушерство: краткое пособие по практическим умениям» читаю, что непонятно, у акушерки спрашиваю. От корки до корки пособие выучила! Хоть экзамен сдавай!

Стала старшая меня звать с ней роды принимать – я стараюсь, все запоминаю. Она мне говорит:

– Ты должна выучиться на акушерку или даже на врача-хирурга – у тебя руки золотые и интуиция какая-то прямо сумасшедшая. Беременных чувствуешь, будто всю жизнь только и делала, что роды принимала. Откуда это у тебя? Может, какая повитуха у тебя в роду была?

А я и правда – чувствовала беременных. Если какую привезут, я только гляну на нее, животик трону – и как-то сразу вижу: будут ли осложнения или нет, быстро родит или помучается. Сама не знаю как – вижу, и все. Я с роженицей посижу, успокою, утешу, когда и прикрикну, хоть и молоденькая – а как-то я с ними управлялась.

Первый раз стремительные роды приняла, когда акушерка в кино с мужем ушла. Какое это было счастье, когда помогла я родиться в мир новому человеку – крепенькому, смешному бутузу! А потом уже моя начальница сама стала меня оставлять с роженицами – вроде на пару работаем. Главврач узнал, но не запретил, вроде как и не знает. Возмечтала я выучиться на акушерку, сунулась в медицинское училище – а там про мои три класса узнали и обсмеяли. Сказали:

– Иди, девочка, учись! Окончи хоть семилетку – тогда и поговорим!

Так я и не стала акушеркой, даже медсестрой не получилось стать. Дочери зато у меня – медики. И у обеих руки золотые – в меня. В них моя мечта воплотилась. Да... Ну, это

много лет спустя случилось.

А тогда стал за мной ухаживать один молодой человек, на четыре года старше меня. Отец у него был киномеханик – очень по тем временам профессия почетная. Кино в клубе показывают – все рты пооткрывают, смотрят. А этот мой ухажер отцу помогал. Звали его Михаил, и был он инвалид. В армии они с другом на мину наступили, их и разбросало. Михаилу ногу оторвало, он ходил на протезе. Еще глаз у него был как бы вывернутый и пипки носа не хватало – нос словно приплюснутый. Я его очень жалела: надо же, такое несчастье с человеком случилось!

И вот стали они с отцом меня сватать, а я любимому отказала, как же за нелюбимого пойду?! А Михаил никак не отставал, так и ходил за мной. Моя хозяйка, у которой я на квартире жила, ему сочувствовала. И вот как-то он опять стоит у двери, меня караулит, в клуб зовет. А я – на работу да с работы, и ни с кем не гуляла – скромная очень была. Тут моя хозяйка послала меня за капустой: иди, говорит, попроси от моего имени у такой-то капусты квашеной. Я пошла – и Михаил со мной. Говорит:

– Пойдем, я знаю, где капусту искать!

Я и не сообразила сначала, а он привел меня к себе домой. Зашли во двор, там сарайка, в сарае корова, телка, поросенок, куры по двору ходят – они хорошо жили. Он к дому подошел, в дверь постучал – его мать сразу и открыла:

– Заходите, заходите, гости дорогие!

Так обманным путем он меня в дом к себе и завел. Зашли – там и мать, и отец. Я растерялась, оробела. Раньше ведь времена другие были, строгие, особенно в селе. Просто так девушки к парням в гости не хаживали, с родителями не знакомились. Мать посадила нас тут же за стол. Я сижу – пунцовая, на грани обморока. А отец его говорит:

– Наливай шей молодым, да в одну чашку – пусть из одной хлебают!

А какое там «хлебают» – мне в горло от стыда ничего не лезло! Так они и засватали меня. В нынешнее время девушки не поймут – подумаешь, у парня в гостях побывала да за одним столом посидела! А в те времена все иначе было... Я себя чувствовала так, словно судьба это моя, и никуда мне от этой судьбы не деться...

Да и жалела очень Михаила. Началась моя семейная жизнь. Когда меня замуж провожали – в грузовик сели, молодежь наверху. Гриша пришел со своими друзьями. Соседка, жена милиционера, дала мне свою фату и платье – и я была такая красивая в этой фате! И я плакала – очень сильно плакала! Вышли все меня провожать – и Гриша стоит, платочком глаза вытирает. Тоже плакал.

Свекровь говорит:

– Сходи в фате сфотографируйся на память!

– Нет, мама, это же нужно через все село идти... Мне стыдно...

Так у меня даже и фотокарточки на память не осталось...

Муж мой оказался очень ревнивым. Ребята часто его спрашивали:

– И как такая красавица за тебя только замуж вышла?!

А он перед ними гордится, а домой придет – ударит меня:

– Признавайся, с кем бываешь?

– Что ты, Миша, я кроме работы не хожу никуда. Если не на работе – так по хозяйству кручусь... За что ты меня обижаешь?!

Вроде успокоится, да ненадолго. В следующий раз опять – нож со стола схватит:

– Зарежу тебя, если не признаешься!

Стал бить. Как-то протезом в спину пнул, я потом разогнуться не могла. Начнет избивать – я только лицо закрываю, чтобы люди следы побоев не увидели. А мать его очень меня любила. Увидит, что он злой домой пришел, – и мне говорит:

– Дочка, иди на мою постель.

Я лягу к стенке, а она с краю, он и не смеет меня бить. Тем только и спасалась.

Приехали его братья, стали его укорять:

– Миша, зачем ты молодичку обижаешь?!

Он только и пробормотал им в ответ сквозь зубы:

– Учите, учите!

Как-то сидели за столом у сестры моей свекрови. А я очень любила песни петь, и голос у меня был чистый, звонкий. И вот все поют, и я сижу, пою, а муж – хмурый. Махнул мне, чтобы вышла, – я вышла на двор. А там сеновал, ого-

роженный лоховником. Лоховник – кусты такие с колючками, острыми, как иголки. Он сорвал этот лоховник – и давай меня по ногам стегать. Больно! Я подпрыгиваю, а он рычит:

– Ты зачем песни поешь?!

– Все поют – и я пою!

– Я не хочу, чтобы ты пела!

Еле убежала от него, все ноги в ранках.

Вот такой ревнивый был. К женщинам меня ревновал, не только к мужчинам. Если только увидит, что разговариваю с женщиной, у которой мужа нет, – вспыхнет весь... Я жалела его – тяжелая ведь это страсть, ревность-то... Мучает она человека сильно!

А иной раз и все хорошо было, отступал от Михаила этот морок. Вместе ходили с ним на футбол, в кино, к родным в гости – и вроде бы даже похоже было, что у нас настоящая семья...

Время шло, родители его ждали деток, а я никак не беременела. Уже столько родов приняла – а сама никак... Повела меня свекровь к врачу, пришли – а там мужчина, военный врач. Я – бежать: стыдно. Свекровь поймала, в кабинет затолкала. Врач меня на кушетку положил, подол платья задрал, осматривает меня, а я лицо руками от стыда закрыла. Он смеется:

– Здесь закрыла, а тут все открыто!

Как я от стыда жива осталась... Позвал врач мою свекровь и стал ей строго выговаривать:

– Невестка ваша – девушка здоровая. Только у нее дефицит веса! Она у вас что – голодает?! И нагрузки у нее, видимо, физические чрезмерные! Стыдно, дорогие мои! Взяли девушку юную в семью – ее беречь нужно, а не пахать на ней! Кого она вам родит, когда сама еле ходит?! И еще: откуда у нее столько синяков, а?!

Свекровь моя бледнела да краснела, а я и слова вымолвить не могла. Вернулись домой. Она с Михаилом потом и со свекром поговорила, и на какое-то время муж мой угомонился, перестал меня бить. Свекровь кусочек получше подкладывает, свекор тяжелое носить не дает.

И пришло щедрое солнцем лето, и утренний теплый ветерок обласкал щеки. Радость-то какая: серая полынная степь расцвела ярко-зеленым мятликом, розовыми полянами бессмертника, желтыми мазками зверобоя. И птицы, и звери обрадовались: у болот начали перекличку кулики и дикие утки, в тростниках – стаи куропаток, в зарослях басисто замыкали коричневые камышовые коты, запищали их желтые котята.

Стало мне полегче житься – тут я и понесла. Свекор и свекровь очень внука хотели – внук и родился.

Вскоре после родов снова на работу вышла – раньше не было таких декретных отпусков, как сейчас. Часто с собой в роддом брала малыша – привяжу к груди, с ним рожениц смотрю, с ним по палатам бегаю, а если роды, он тут же с новорожденными лежит – ждет, мамочки присматривают. Часто с бабушкой оставляла – бабушка старенькая, мать све-

крови, помогала, с правнуком нянчилась. Ну и я, возвращаясь с работы, к нему бросалась птицей! Ах, какое это было счастье – держать в руках маленькое тельце, радоваться первой улыбке, первому зубику, первому шажку!

Как-то Гриша приехал в наше село, а я со свекровью на рынке была, молоко продавали. Она отправила меня зерно для птицы купить, смотрю – Гриша.

– Ну что, Вера, лучше меня выбрала?! За калеку вышла! Разойдись с ним!

– Да что же теперь, Гриша, я девушкой за тебя не вышла... У меня сын...

– Как своего растить буду! Твой сын – мой сын! Я люблю тебя и в жены возьму!

– Поздно теперь, Гришенька...

Узнала потом, что он уехал куда-то далеко, женился там, но детей у них с женой не было. И умер Гришенька рано – желудок у него больной оказался...

Как-то муж в очередной раз меня приревновал. Гуляли мы с ним и с сыночком, что там ему в голову пришло – я даже и не поняла... Говорит мне у дома:

– Заходи, я тебе сейчас башку снесу!

– Подожди, Миша, дай я ребенка на кровать положу. Сына перепугаешь!

Положила я сыночка на кровать – он спит. Смотрю: Михаил топор надо мной заносит. И я только слышу звук:

– У-ух!

От испуга упала. Тут вбежал соседский мальчик да как закричит:

– Дядя Миша, что вы делаете?!

И тут я потеряла сознание.

Очнулась – лежу на постели. Живая. Михаил рядом сидит. И свекровь у кровати рыдает:

– Доченька, что он над тобой сделал?!

А я хочу ответить, но у меня получается только:

– А-а-а-а...

Речь отнялась. После этого решила я уйти от мужа. Раньше нужно было уходить, да в наших краях это позором считалось. Но теперь поняла: не уйду – рано или поздно убьет он меня. А сын на кого останется?! Ради малютки милого решила уходить.

Собрался он на работу, и я будто на работу. А сама домой вернулась, пожитки наши с сыночком в мешок собрала – и мешок не набрался. И поехала тайком в родное село к маме. Я ей ничего не рассказывала, что муж бьет меня. А тут пришлось рассказать, иначе она бы меня назад к нему отправила. Да много и рассказывать не пришлось – достаточно было рукава у платья поднять. Вся в синяках ходила.

Заплакала мамочка, потом твердо сказала:

– Ничего, Верочка, был бы папа жив, он бы тебя не отдал мужу. И я не отдам!

И дня не прошло – Михаил мчится, разъяренный, пипка носа раздувается, как у быка разгневанного. Вошел в избу,

мешок мой у печи увидал, схватил его сразу – и меня за руку. Тут мама подскочила, стала его прогонять. А на печи замок лежал огромный, амбарный. Он замок схватил – да как даст ей прямо в лицо. У нее потом все глаза синяками заплыли. Она закричала, и я закричала. Прибежал отчим. Он работал секретарем и водителем у директора совхоза. По тем временам – большим человеком был, можно сказать. Он сразу же Михаила и маму – в нарсуд.

А судья и отчима, и маму мою знала. Она и спрашивает маму:

– Зоя Максимовна, кто вас так избил?!

– А это зятек мой любимый!

– Пиши на него бумагу, я его судить буду!

– Не надо его судить, пусть он только дочь мою в покое оставит!

И судья строго сказала Михаилу:

– Чтобы тебя здесь близко не было! Если еще в наше село явишься – поедешь срок мотать!

Так и кончилась моя семейная жизнь. А через неделю я поняла, что жду ребенка.

И пришла суровая зима, и затрещали страшные морозы, но наш огромный седой Каспий защищал нас от стужи и бережно хранил тепло. А я уповала на Господа, и упование мое не позволяло мне впасть в отчаяние. Потянулись в наши края перелетные птицы с севера и со всей Волги. В камышовых зарослях появились аисты и пеликаны, и даже огромные

розовые фламинго.

Родила я двух девочек-близняшек. Одна растила троих детей. Как ты это расценишь – счастье или несчастье? Знаешь, дочка, в молодости кажется нам, что все счастье в жизни – это встретить любимого. Нет, детка, счастье – это много чего.

Вот если на внешнюю канву жизни моей посмотреть – скуповато получается: голод, холод, нищета, война, ранняя смерть отца. Выучиться у меня не получилось – как сейчас говорят, не реализовала я себя, карьеры не сделала. Не было и спутника жизни у меня, опоры. А если смотреть не снару-

жи... Была на самом деле опора – Господь меня хранил. Была и любовь. И радость работы я испытала, и пользу людям принесла.

Переехали мы с годами в Россию, живем в щедром и добром Калужском крае, недалеко от святой Оптиной пустыни. Дочери у меня выросли красавицами и умницами. Обе стали медиками, и обеих на работе очень хвалят. Сыночек мой женился, дочка замуж вышла, внуки родились. У внуков тоже уже свои семьи. Одна из внучек – матушка, муж у нее – священник, двое правнуков растут, у другой тоже двое. А всех нас вместе – уже очень много. Все меня любят, все хотят, чтобы у них жила. Не знают, куда посадить да чем угостить. Молюсь за них – в молитве утешение получаю. Жизнь я честно жила, совесть хранила. Вот и скажи теперь: счастливый я человек или нет?

Имена героев рассказа изменены по их просьбе.

Пропавший Пашка

Телефон зазвонил неожиданно, резко, и Татьяна, вырванная из самого крепкого, предрассветного сна, с трудом открыла глаза. В комнате было еще темно. Обычно ей нравилось неспешно переживать минуты пробуждения, чувствовать, как ночной хаос уступает место утренней гармонии, как ускользают, скрываются в тающем сумраке обрывки сновидений, мысли обретают ясность, а очертания предметов – четкость.

Но сегодняшний внезапный, тревожный звонок ночным мороком затуманил сознание, сбил сердечный ритм. Не вставая, она слабо похлопала рукой по тумбочке, кое-как дотянулась до сотового. Гневный крик свекрови оглушил:

– Спите, а у меня тут кошмар происходит! А вам и дела нет! Павлик ломает мне двери – спасайте!

Павлик, видимо, выхватил у нее трубку, потому что Таня услышала теперь полный отчаяния голос племянника:

– До меня никому нет дела! Я никому не нужен!

Связь оборвалась. Муж что-то недовольно проворчал об отдыхе в воскресный день, перевернулся на другой бок, а она какое-то время неподвижно сидела, пытаясь сообразить, что случилось и что теперь делать. Затем обреченно вздохнула – заснуть уже точно не получится.

Дом, милый дом проснулся вместе с Таней, встрепенулся,

обрадовался хозяйке. Мягкие тапочки услужливо скользнули под ноги, двери распахнулись от легчайшего прикосновения, чайник усердно зашумел, а холодильник с удовольствием продемонстрировал свои запасы. Таня заварила чай, присела с чашкой в руках. Сердце постепенно успокоилось, забилось ровнее.

Павлика она помнила еще ребенком – и довольно одиноким. Его отец, Виктор, брат ее мужа, – сколько она его помнила – всегда пил, сильно пил. Свекровь была человеком очень правильным, и обожала напоминать об этом своем качестве всем окружающим. Своей правильностью она фактически выжила из дому невестку. Павлик, или Пашка, как они все его звали, рос без матери.

Пьющий отец практически не заботился о сыне, а бабушка любила рассказывать внуку о собственной безупречной жизни. До какой-то поры Пашка действительно выслушивал бесконечные истории об идеальном прошлом своей идеальной наставницы, а также прочие многословные нравоучения и назидания, но став старше, взбунтовался и даже не пускал бабушку в свою комнату.

Свекровь вздыхала:

– Неблагодарный – весь в мать! Яблочко от яблоньки...

Таня чувствовала вину, что не стала для племянника родным человеком, но когда он рос, она сама была молоденькой девушкой, только-только постигавшей азы семейной жизни. Родила двух дочерей, времени не хватало, с годами муж, как

и его брат, тоже начал пить, и она одна тянула семейную лямку. А потом дочери выросли, и у нее появилось какое-то свободное время, но и Пашка тоже вырос и стал уже самостоятельным молодым человеком.

И теперь, когда они с мужем изредка приезжали к свекрови, племянник выходил только поздороваться, а потом снова запирался в своей комнате: сидел за компьютером, слушал музыку. Да и жили они в разных концах огромного города, что не способствовало частым встречам.

Став еще старше, Пашка тоже начал пить, причем, в отличие от старшего поколения, он еще и мешал водку с какими-то таблетками. Свекровь поставила жирный крест на будущем внука и звала его теперь одним словом:

– Пропаций... Совсем пропаций...

Вот так все и продолжалось – до сегодняшнего утра. Таня решительно поднялась со стула, разбудила страшно недовольного мужа. Он недавно вышел из запоя и пребывал в привычном для него трезвого раздражительном состоянии. Дом не пытался утешить хозяина, похоже, он любил его гораздо меньше хозяйки: тапки ловко прятались глубоко под кроватью, половицы ворчливо скрипели под его ногами, кран фыркал и плевался водой.

Когда приехали к свекрови, пропаций Пашка явно находился под воздействием каких-то таблеток. Довольно привлекательный раньше, сейчас он выглядел так, что краше в гроб кладут: синие круги под тусклыми, большими глазами,

впалые щеки, нездоровая бледность. С последней встречи, когда Таня уже отметила его худобу, он похудел еще сильнее. Ей стало страшно.

Пашка, увидев родных, уже без всякого крика, совершенно спокойно выдал им, что болен и скоро умрет: он ВИЧ-инфицирован, а также у него туберкулез. После этих известий племянник развернулся и ушел в свою комнату.

Муж Татьяны почувствовал внезапную слабость и поехал к другу-алкоголику для срочного восстановления нервных клеток и обретения потерянного душевного равновесия, а она сама пошла в комнату Павлика. Удивительно, но ей совсем не было страшно. Почему-то она была уверена, что с

ней ничего не случится и никакая болезнь к ней не пристанет.

Когда она вошла в комнату племянника, он сидел на диване, по-мальчишески поджав худые ноги, и вид у него был совершенно несчастным. Таня подумала: Павлик своей сегодняшней выходкой пытается достучаться хоть до кого-то, пытается сказать, что он жив, что он существует. Хочет, чтобы его услышали и узнали, как он одинок и несчастен. И Таня поняла все это, а Пашка почувствовал, что его понимают. И тогда он начал рассказывать о том, что случилось в его жизни.

В двадцать лет он влюбился в девушку старше его на четыре года. Потом оказалось, что она ВИЧ-инфицирована, и Пашка заразился. Самое страшное заключалось в том, что он ни с кем не мог этим поделиться: знал, что будет проклят родными, станет изгоем среди друзей и знакомых. Затем последовал новый удар: у Пашки не было иммунитета, и он где-то подцепил еще и туберкулез.

Ему нужно было периодически подолгу лежать в больницах, но он не мог открыть начальникам на работе своих диагнозов, и, конечно, ему не прощали таких долгих отлучек. Пришлось уволиться с одной, потом с другой работы. Дела шли все хуже и хуже, и никому, ни единому человеку в мире, не было дела до больного.

Жизнь парня катилась под откос очень быстро, а он хотел жить. Он ничего еще не успел, а в затылок уже дышала

смерть. И это ледяное дыхание смерти за спиной было таким жутким, что ему просто необходимо было кому-то все рассказать, с кем-то поделиться своим страданием.

Но никому не было дела до Пашки – никому, кроме Господа. И вот в этот, самый страшный для него, момент Господь послал ему Татьяну. Она сама хорошо понимала, что это вовсе не ее история, что оказалась она в этой комнате, дабы послужить проводником милости Божией к одинокому и несчастному человеку. И Таня стала говорить племяннику о Боге. Она не выбирала слов: «Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10, 20).

Она говорила – и он слушал. Слушал внимательно, напряженно, словно от ее слов зависела его жизнь. Впрочем, так оно и было. Почему она не сказала ему этих слов раньше? Почему Господь не дал ему узнать о Себе, пока Пашка не заразился страшными болезнями, каждая из которых способна свести человека в могилу? Этого мы не знаем. Может, раньше он не готов был услышать о Боге?

Татьяна долгие годы молилась, чтобы ее муж не пил, чтобы стал хорошим семьянином. Вымаливала его, говорила ему о Боге – но он так и не пришел в Церковь. Ему не нужно было чуда, ему не нужна была вера – ее муж хотел жить в таком мире, где можно пить, где можно следовать своим страстям.

Господь ждет каждого, но не совершает насилия над волей Своего создания.

Таня рассказала племяннику о Боге и предложила вместе сходить в церковь. Пашка согласился, и она уехала домой. На следующее утро позвонила свекровь. С большим удивлением рассказала, что внук, кажется, окончательно съехал с катушек: не спал всю ночь – стоял на коленях и молился Богу.

Павлик тонул, ему бросили веревку, и он схватился за эту веревку с отчаянием утопающего человека.

Через несколько дней они с Таней встретились, как и договорились, в центре Москвы и поехали в Марфо-Мариинскую обитель, к преподобномученице великой княгине Елисавете Феодоровне. Потом к Матронушке. Везде молились, встав на колени.

С этого дня жизнь Пашки резко изменилась: он стал молиться по утрам и вечерам и каждый выходной ходил в храм. Когда пришло время очередного похода к фтизиатру, тот отправил его на компьютерную томографию легких и после процедуры объявил:

– Иди разбирайся со своим диспансером – нет у тебя никакого туберкулеза!

Пашка был страшно поражен, узнав, что выздоровел. Расслабился. И вот когда он расслабился и пропустил несколько воскресных литургий подряд – почувствовал, как снова

запершило в горле, и появились старые признаки болезни.

Он позвонил Тане:

– Я не знаю, что мне делать...

– Как это не знаешь, что делать?! Ты снова начинаешь ходить в храм!

Племянник опять начал неопустительно ходить в церковь. Сдал очередные анализы – чисто. Таня не знала, что и думать. Такого не могло быть, но это происходило. И это было настоящим чудом. Личным чудом пропащего Пашки.

У него была II группа инвалидности, и он три года нигде не работал. Теперь ему выдали на руки справку «клинический излеченный туберкулез», и Пашка начал искать работу.

Как-то он сказал Тане:

– Эх, был бы у меня автомобиль – я бы нашел себе работу...

А нужно сказать, что паренек с детства обожал автомобили. И Татьяна дала ему деньги на подержанную машину. Племянник купил старую «Шкоду» и просто влюбился в нее. Переварил пороги, поменял крылья, покрасил кузов – полностью реанимировал автомобиль.

И еще Таня уговорила своего начальника взять Пашку в их медицинскую компанию. Рисковала, конечно, но все-таки уговорила. Почему она это сделала? На этот вопрос Таня ответила так:

– Думаю, что я тут вообще ни при чем. Это сделал Господь для Пашки, просто Он сделал это через меня. Промысл

Божий действует через людей и обстоятельства.

Работа в компании, где трудится Татьяна, очень сложная, и кладовщица, которая у них работала раньше, постоянно все путала, ссылаясь на огромный объем данных и адресов. Могла, скажем, отправить груз вместо Владикавказа во Владивосток. И Таня предложила своему начальнику взять Пашку хотя бы на полставки с испытательным сроком. И начальник согласился: взял парня отгружать коробки с медицинским оборудованием и развозить по Москве.

И Пашка очень быстро во все вник, во всем разобрался, навел полный порядок на складе. Он оказался внимательным, даже обнаружил некоторые ошибки в инструкциях и предложил их исправить. Таня надеялась на хорошую работу племянника, но такого даже она не ожидала. Раньше ей приходилось контролировать работу складов, а теперь она могла полностью расслабиться – это дело находилось в умелых и ответственных руках. Все эти качества были в ее племяннике и раньше – просто жизнь его очень ломала, он сильно болел, то одна болезнь, то другая.

Директор оценил трудолюбие и ответственность нового работника. Вообще Танин начальник, Алексей Васильевич, заслуживает отдельного упоминания. Это очень добрый человек, который просто не умеет никого осуждать. И еще – все время кого-то спасает. Без шуток. Он работал раньше анестезиологом, потом основал свою медицинскую фирму. И вот Господь все время его приводит в такие ситуации, ко-

гда кому-то требуется его помощь – и он помогает и спасает.

Как-то полетел на самолете, и у одного пассажира во время полета остановилось сердце. И вот Алексей Васильевич делал ему искусственное дыхание и массаж сердца в течение двадцати минут, чуть сам не помер. Человек остался жить. Интересно, что в это время стюардессы разносили обед. Они очень боялись, что среди пассажиров начнется паника, если узнают про остановку сердца, и продолжали раздавать обеды, причем перетаскивали тележку прямо сверху над умирающим и его спасателем.

В другой раз пошел директор с супругой в ресторан – за соседним столиком молодой человек подавился шашлыком. Все в панике. Алексей Васильевич быстро подходит к пострадавшему и решительно проводит классический прием Геймлиха: заходит за спину к любителю шашлыка, прижимает кулак чуть ниже его ребер, другой рукой обхватывает свой кулак и, действуя обеими руками, резким движением тянет бедолагу на себя, словно хочет поднять. После пятого раза кусок мяса вылетает из горла пострадавшего. Все вскрикивают от радости и облегчения, бедолага приходит в себя и с ужасом смотрит на шашлык, осознав, что находился в смертельной опасности. Алексей Васильевич спокойно идет ужинать с супругой дальше. Спасение происходит быстрее, чем вы читаете этот абзац.

Пару месяцев назад шеф говорит Тане:
– Давно я что-то никого не спасал...

Этим же вечером идет он по «Киевской» – стоит толпа народа, окружили очередного бедолагу. Алексей Васильевич думает: «Я так устал сегодня... Пройду мимо... Нет, нельзя мимо: это, видимо, мой клиент... Надо идти!»

Подходит, расталкивает зевак. Пьяный парень упал с эскалатора, лежит, под головой кровь. Алексей Васильевич поражается: народ стоит, смотрит, но никто ничего не предпринимает. Наш спасатель приводит упавшего в чувство, меряет пульс, вызывает скорую.

Вот такой директор у Тани. И когда она рассказала ему о Пашке, Алексей Васильевич вида не подал, что принял близко к сердцу эту историю, но спустя пару дней предложил новому завскладом шестьсот тысяч рублей в долг без процентов на шесть лет для покупки автомобиля. И Павлик купил себе «Фольксваген». Таня, увидев племянника на новой машине, поразилась: это был счастливый человек, который воспрял духом и начал новую жизнь. Словно Сам Господь его утешил, как утешает Он новоначальных в сладкую пору духовного младенчества.

Прошло уже несколько лет. Бывший пропащий Пашка – безукоризненный работник, завскладом крупной медицинской фирмы. Не пьет. Все его любят и уважают. Еще он набрал нормальный вес, стал, по словам Татьяны, такой красавчик! И сейчас, глядя на высокого, плечистого, обаятельного парня, никто не может представить, что еще недавно он не видел в жизни никакого смысла и готовился умирать.

Видимо, когда у человека в душе есть за что зацепиться – Господь вмешивается в его судьбу, проявляет Себя и начинает действовать. Складываются обстоятельства, выстраивается цепь событий, которые помогают услышать слово Божие и обратиться к Богу.

Что же остается сказать? «Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса!» (Пс. 76, 14–15)

Имена героев рассказа изменены по их просьбе.

Житейское море

У двери реанимации

На жестком стуле сидеть было неудобно, и ноги сильно затекли – Таня не чувствовала неудобства. Смотрела не отрываясь на матовую стеклянную дверь, но толстое стекло надежно скрывало все происходящее в реанимации.

Высокая пожилая санитарка в конце коридора, шмякнув тряпкой в старое ведро, сочувственно поделилась с закрывающей дверь гардеробщицей:

– Девочка-то все сидит... И выгнать ее жалко... Тут, видеть, на стуле и ночевать собралась...

Седая гардеробщица отозвалась решительно:

– Скажи: больница закрывается! Пусть завтра приходит! Может, хоть поспит где-нибудь – а то у нее у самой вид уж больно больной...

Синяя лампа над стеклянной дверью, синий тревожный полумрак. За больничным окном кружит февральская метель, бросает в окна пригоршни снега. Дочка Машенька, наверно, замерзла, и некому укрыть ее мягким домашним одеялом. Сама Таня не чувствовала холода, не помнила, когда ела, – весь мир для нее сейчас сосредоточился за дверью этой реанимации.

Она хорошо знала, что там происходит, – сама уже несколько лет после окончания медицинского колледжа работала в отделении реанимации областной клинической больницы.

Таинственное отделение. Во-первых, почти закрытое для посторонних. Во-вторых, за спиной каждого попавшего сюда стоит смерть. А смерть – это всегда тайна. Она дышит в затылок. Поджидает слабеющий пульс на сонке, вылетевшую дренажную трубку, любой просчет, любой промах врача.

Реанимация – на стыке двух миров. Бывает, лежат еще живые, а мозг мертв. Бывает наоборот, отключают от системы – а почивший оживает. Здесь, как нигде, близок Господь и ангелы-хранители не дремлют. Врачи тоже чувствуют легкое дыхание смерти и слышат шум ангельских крыльев. Они не думают об этом, они отмахиваются от мистики – иначе можно сойти с ума. Но их души знают больше, чем допускает рассудок.

Аппарат наркозный, аппарат искусственной вентиляции легких. Монитор на пять параметров: оксиметрия, артериальное давление, электрокардиограмма, частота дыхания, температура. Монитор нейро-мышечной передачи, монитор глубины анестезии. Дефибриллятор, аспиратор, электрокардиостимулятор. Ультразвуковой аппарат с системой навигации для анестезии, пункции и катетеризации центральных и периферических сосудов. Набор для интубации трахеи. Дренажные трубки. Оголенные люди. Открытые раны.

Посторонние – от одного вида оборудования бледнеют. Многие процедуры без привычки даже наблюдать страшно. Не выдерживает психика неподготовленного посетителя вид близкого ему человека с несколькими дренажами, торчащими из живота, катетером в мочевом пузыре и интубационной трубкой в горле. Таня была подготовленной.

По каждому показанию разработаны алгоритмы. Нужно делать все быстро и точно. Впадение в кому среди полного здоровья? Венозный доступ с последующей инфузионной терапией, ЭКГ, общий и биохимический анализ крови. СКТ.

МРТ. Беседа с родственниками, выяснение причины комы.

Если пострадавший поступает с ДТП и находится в тяжелом, бессознательном состоянии, есть большой риск, что он перестанет дышать и просто умрет на каталке. Поэтому первым делом производится интубация трахеи и подключение к аппарату искусственной вентиляции легких, катетеризация подключичной вены, противошоковая терапия (гормоны, рефортан). При потере крови – введение плазмы и эритромаcсы.

Таня хорошо знала все алгоритмы интенсивной терапии, была готова к самым тяжелым случаям. Она не была готова только к одному – к тому, что сама окажется посторонней в этом отделении. Будет сидеть за стеклянной дверью бессильная помочь.

Сколько себя помнила – всегда мечтала стать врачом. Мама не успевала стирать и сушить ее игрушки: дочка ставила им уколы и без конца закачивала воду в мягкий мишкин зад, мазала чем придется ухо зайцу, проводила операции. Мама болела диабетом, и Таня мечтала изобрести лекарство от этой болезни.

У нее очень хорошо шла математика в школе, учительница предрекала ей чуть ли не славу Софьи Ковалевской и была поражена до глубины души, можно сказать, оскорблена в своих лучших чувствах, когда любимая ученица поступила не на матфак, даже не в мединститут, а просто в медицинский колледж.

А у Тани в одиннадцатом классе умер папа, и мама сказала: «Институт не потянем – иди, доча, на фельдшера». «Как правило, высокие стремленья / Находят злого недруга в судьбе, / Привыкшей палки ставить нам в колеса»... Таня росла домашней, скромной девочкой и с мамой спорить не стала. Поступила легко.

Этой сероглазой девушке с толстой русой косой было много дано от природы, а от себя она добавила еще любознательность, трудолюбие, ответственность. Ничего удивительного, что быстро стала лучшей студенткой на курсе. Не понимала, как можно не учить предмет, готовить шпаргалки – как же потом работать без знаний?

Родись она в начале века – пошла бы учить крестьянских детей. Или на фронты Первой мировой – медицинской сестрой. Вполне могла бы ее легкая фигурка облечься и в монашеский подрясник.

Окончила с красным дипломом, конечно. Работу тоже искала посложнее – хотелось людям помогать. Взвалила на плечи сразу почти неподъемное – пошла в реанимацию. Мама поглядывала тревожно:

– Доча, не надорвись! Сердечко у тебя слишком нежное – побереги себя!

Мертвые глаза у живого человека

Действительно, на работе первое время сильно плакала.

Потом стало легче, но все равно – многое принимала слишком близко к сердцу. Бывали такие пациенты, которые западали в душу. Это зависело от многого: от времени, проведенного рядом с ними, от возраста, от самих людей. Некоторые умирали быстро, почти сразу после поступления: есть травмы несовместимые с жизнью. Таким, конечно, сочувствовала, но не успевала к ним привыкнуть, чтобы оплакивать. Умирали совсем старые, в «елее мастите», как сказано в Писании: «И скончался Авраам и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью» (Быт. 25, 8). Это было одно. А юные – совсем другое.

Палата – три пациента и ее стол. Неутомимые софиты под потолком. Всегда свет. Вечно уставшие глаза. Неумолкаемый свист, писк, потрескивание мониторов и приборов. Стон, бред, крик, храп, предсмертное хрипенье. Кровь, гной, кал, рвотные массы.

Самым добрым врачом в их реанимации был Андрей Палыч – высокий, рыжий, кудрявый. Настоящий профессионал и к тому же веселый человек. Видимо, юмором ограждал себя от стресса. Иногда помогал Тане и шутил: «Я там больному хавчик подготовил!» Это означало, что он собрал питательную капельницу и Тане осталось ее только подключить.

Когда у кого-то из пациентов начинались боли, он командовал Тане:

– Плесни-ка ему кеторольчика в вену!

В реанимационных палатах сестры и санитарочки регу-

лярно проводили генералку: выкатывали все кровати, тумбочки, аппараты, штативы для капельниц в коридор и дезраствором обрабатывали стены, потолки – все, что можно обработать. И вот как-то раз их Палыч шествовал мимо и внезапно с серьезным выражением лица схватил штатив, будто микрофон, и как настоящий рок-певец громко затянул:

– Симо-о-она, девушка моей мечты!

На главном аккорде в реанимацию зашел главврач...

Те, кто попадали сюда, редко находились в сознании. Когда приходили в себя и им становилось лучше, их чаще всего отправляли в профильное отделение.

Но попадались и такие, кто лежал достаточно долго. Они успевали войти в душу – незаметно, ненароком. Просто рассказывали что-то – короткое, но важное для них. А ты мог тоже чем-то поделиться. Невзначай. И тогда происходило сближение, и они становились уже не просто очередными пациентами, а личностями, близкими людьми, обретали прошлое и настоящее, воспоминания и мечты. Когда умирали такие – она плакала, как в первый год работы. Напарница уговаривала:

– Таня, не сближайся с пациентами, не разговаривай с ними, не узнавай ничего о них, кроме того, что касается лечения. Не позволяй им войти в твое сердце! Оно не безразмерное!

А у нее так не получалось. Первым, кто сильно запал в ду-

шу, был парень, упавший с мотоцикла. Сильный, красивый, молодой – и безнадежный. Он сломал шею, а когда происходит такая травма, все, что ниже перелома, полностью выпадает. Такой больной даже дышать сам не может, потому что все, что ниже, не работает. Если выживет – начинается застойная пневмония, и чаще всего его ждет летальный исход.

И вот этот парень был безнадежен. Множество неоперабельных язв в кишечнике. Из-за того что нарушена иннервация, кровь текла из заднего прохода как лава. Она видела, как отчаянно хотел он жить. Не хотел умирать в полном сознании в белой холодной палате среди чужих людей, для которых он был не Васькой, как звали друзья, не Васильком, как мама, а просто пациентом.

Она жалела его, подходила чаще, чем нужно, чтобы как-то утешить, поддержать, вытирала ему влажными салфетками лицо – и он плакал. Плакал и все пытался поцеловать ей руку в благодарность за то сочувствие, которое читал в ее глазах.

Тяжело на душе бывало также, когда состояние человека улучшалось, и его уже собирались перевести в профильное отделение, а он внезапно впадал в кому и умирал. Такое случалось при травмах головы.

Такие травмы – они очень коварные. Многих больных медики не могут спасти, потому что погибает мозг. Если больному, находящемуся в бессознательном состоянии, приоткрываешь веко и зрачок на свет сжимается – мозг жив. А когда зрачки не реагируют на свет – мозг умер. Таким паци-

ентам смачивали роговицу, предохраняя ее от пересыхания, а жить они могли еще долго.

Обычно больных с травмой головы переводили на искусственную вентиляцию легких: гематома сдавливает важные центры дыхания, и может начаться гипоксия. Бывает, больной хороший, и вроде несильно пострадал, и сам хорошо дышит, и неопытный врач не переводит его на искусственную вентиляцию легких. А у него развивается после травмы отек – медленно, незаметно. На третьи сутки начинается гипоксия, состояние ухудшается – и больной впадает в кому. Вот только что человек был живой, и вроде состояние хорошее, и сам дышит – и вдруг кома. Поднимаешь веко – а зрачок уже неживой. Мертвые глаза у живого человека. Это страшно. И уже никакой надежды.

Ее дочка тоже была безнадежна. Она умирала сейчас там, за этой стеклянной дверью, а Таня даже не могла быть с ней рядом.

Зыбкие волны житейского моря

Почему это случилось именно с ней? Жизнь складывалась так счастливо: любимая работа, замужество по любви. Муж Андрей – умный, добрый, заботливый. Хорошо зарабатывал, помогал по хозяйству. Она чувствовала себя очень счастливым человеком. Родился сын, хорошо рос, развивался – на радость родителям. Потом дочка – тоже радость. Муж помо-

гал купать детишек, не чурался сам памперсы переодеть – был хорошим отцом. Таня часто звонила ему, спрашивала, когда придет с работы: рядом с ним ей всегда становилось уютно, спокойно. Она могла иногда вспылить – он никогда не отвечал резкостью. Улыбнется:

– Что ты рычишь, котенок?

И она сразу успокаивалась.

И вдруг такая трагедия – страшная болезнь Машеньки. Диагноз смогли поставить только в Москве – заболевание двигательных нейронов спинного мозга. Редкая болезнь.

И все рухнуло. Началось заболевание внезапно, на фоне

полного здоровья. Как прав был святитель Игнатий (Брянчанинов): «Все мы ходим по зыбким волнам житейского моря, колеблемого и возмущаемого различными превратностями. Какая неверная стихия под ногами нашими! Мы не можем знать, что случится с нами чрез кратчайшее время. Самые сильные превращения в жизни нашей совершаются неожиданно, внезапно».

Как-то вечером она доставала дочку из кровати – а у малышки ручонки обвисли и висят как тряпочки. Лежит как лягушонок – и ничего у нее не двигается: ни ручки, ни ножки. Бросились по врачам. Она сама перевернула гору литературы. И когда в Москве поставили диагноз, поняла: это все, конец. Заболевание врожденное, но у некоторых больных проявляется не сразу, в более позднем возрасте. Если стартует до года – значит, тяжелая и быстро прогрессирующая форма. Дочке был всего месяц.

Когда у Машеньки начались дыхательные затруднения, Таня испугалась – умрет некрещеная. Она купала дочку дома каждый день – и та даже пальчиком не шевелила, а когда батюшка погрузил ее в купель – она прямо вскинула обе руки вверх, так что все ахнули. Тогда появилась надежда.

Надежда окрепла, когда очень хорошо подействовал препарат прозерин: исчезли дыхательные расстройства.

Один день ничего не решит

В Москве сказали, что требуется очень сложное лечение, и это будет стоить больших денег. Времени ждать нет. Таня обратилась за помощью – и им помогли. Простые, незнакомые люди переводили на счет – кто сто рублей, кто пятьдесят, кто пятьсот. Спаси их Господи за их милосердие! Помогли организации, где работали они сами, родители, друзья.

С тех пор Таня тоже внимательно читала просьбы о помощи и отзывалась на них. Переводила деньги. Даже если в кошельке оставалось немного – все равно переводила. Хоть сто рублей. Девчонки с работы смеялись:

– Дурочка! Чем помогут твои сто рублей?!

– Девочки, мои сто, ваши сто – и собираются миллионы!

Нужная сумма на лечение Машеньки была собрана в феврале. Дули ледяные февральские ветра, мели вьюги. Нужно было ехать в Москву в медицинский центр – а у дочки комбинезончик такой тощенький, осенний. И она решила съездить на рынок, купить хороший теплый комбинезон. Мама просила:

– Вы же деньги собрали, езжайте!

А она ответила – никогда не забудет свои слова:

– Мама, один день ничего не решит!

Купила Машеньке чудесный сиреневый комбинезон –

мягкий, теплый. И они с Андреем повезли дочку в Москву. Ехали счастливые: деньги собраны, им помогут. И вдруг Машенька перестала дышать и посинела. Таня закричала – и муж свернул к первой попавшейся на пути больнице. Это оказалась очень хорошая Российская детская клиническая больница, но не тот медицинский центр, куда они ехали.

Дочку подключили в реанимации к аппарату искусственного дыхания. Приехал врач из центра, осмотрел ребенка и вздохнул:

– Все. Мы больше ничего не сможем сделать – время ушло.

Как Таня кричала! Она просто вопила в голос, и прибежали медсестры, ей поставили успокоительное. Муж как-то быстро уехал, а она осталась наедине со своим горем. Так окончилась счастливая жизнь Тани.

Бальзам на душу

Четыре месяца Машенька лежала в реанимации, и Таня первое время просто сидела целыми днями на стуле в коридоре, забывая о еде – обо всем. Пила воду из-под крана в туалете и снова возвращалась на свой пост. Потом ее стали гнать, сетовать, что вид у нее – краше в гроб кладут, и скоро она сама отправится на тот свет – раньше дочери. Это несколько встряхнуло ее и она огляделась вокруг, прошлась по окрестностям, сняла самый дешевый номер в ближайшей

гостинице. Купила в ближайшем магазинчике хлеб, пакет кефира. Есть совершенно не хотелось. Но нужно было поесть – она должна оставаться здоровой и сильной. Силы могут понадобиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.